

О. Р. Айрапетов

Участие
Российской империи
в Первой
мировой войне

1916

Олег Рудольфович Айрапетов Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1916 год. Сверхнапряжение

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17203800

*Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914 – 1917).
1916 г. Сверхнапряжение / О. Р. Айрапетов: Кучково поле; Москва; 2015
ISBN 978-5-9950-0479-0, 978-5-9904362-6-8*

Аннотация

Фундаментальный труд российского историка О. Р. Айрапетова об участии Российской империи в Первой мировой войне является попыткой объединить анализ внешней, военной, внутренней и экономической политики Российской империи в 1914–1917 годов (до Февральской революции 1917 г.) с учетом предвоенного периода, особенности которого предопределили развитие и формы внешне- и внутривнутриполитических конфликтов в погибшей в 1917 году стране. Третий том "1916. Сверхнапряжение" посвящен наиболее значимым и острым проблемам описываемого периода. В книге рассматривается

политическая жизнь страны, отмечаются причины и предпосылки событий 1917 года.

Содержание

Кавказский фронт, Персия и Месопотамия.	5
Зима – весна 1915 г.	
Реальные и вымышленные успехи в снабжении фронта	25
Реальные и вымышленные успехи управляемого рабочего движения	57
Зимняя сессия Думы. Новое наступление оппозиции	72
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Олег Айрапетов

Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). 1916 г. Сверхнапряжение

Кавказский фронт, Персия и Месопотамия. Зима – весна 1915 г.

В конце 1915 и начале 1916 г. Кавказская армия вынуждена была предпринять ряд крупных наступательных действий, нацеленных на предотвращение возможной активизации противника, и в том числе на оказание помощи британскому союзнику. Стремление Ставки экономить резервы для европейского фронта в реальности не имело успеха. Уже после Сарыкамышской операции, то есть в начале 1915 г., выяснилась необходимость создания стратегического резерва для Кавказской армии, который необходимо было сосредоточить в Карсе или в Сарыкамыше. В результате после преодоления кризиса был немедленно сформирован 5-й Кавказский армейский корпус в составе 1-й и 2-й Кубанских пла-

стунских бригад и 3-й Кавказской стрелковой дивизии. Однако уже в марте 1915 г. корпус был переброшен в Севастополь и Одессу для подготовки к возможному удару по Босфору¹. Таким образом, Проливы оттягивали с Кавказа силы примерно таким же образом, как Галиция и Польша отвлекали потом эти же войска от Босфорской операции. Тем не менее численность Кавказской армии медленно, но все же росла. Если в начале 1915 г. она насчитывала 106 батальонов, 222 сотни и 356 орудий, то к началу июня того же года – 112 ³/₄ батальона, 213 сотен, 20 инженерных рот, 43 ополченческие и 8 добровольческих дружин, 2 авиаотряда, 348 орудий².

В конце 1915 г. Ставка, несмотря на тяжелое положение со снабжением и техническим обеспечением европейского фронта, выделила для Кавказской армии еще один отряд в составе 10 самолетов и 150 грузовиков. Эти силы весьма способствовали взятию Эрзерума³. Да и само наступление на турецкую крепость, по свидетельству генерала Н. Г Корсуна, было предпринято, в том числе, и по инициативе начальника штаба Ставки, который в декабре 1915 г. настаивал на наступлении на турецком фронте. Генерал Алексеев указывал на то, что ожидаемая эвакуация союзников из района Проливов, а также неудачи англичан в южной Месопотамии вызовут усиление турецкой группировки, действующей против русской армии в Малой Азии⁴.

Штаб Кавказской армии еще в середине ноября 1915 г. получил сведения о том, что против нее будет переброшена большая часть освободившихся под Галлиполи турецких войск. С их прибытием в конце февраля – начале марта 1916 г. турецкая армия, и так превосходившая русскую, получила бы уже двойное превосходство в силах. Турецкое командование рассчитывало использовать зимний период, чрезвычайно неудобный для действий в горах Малой Азии, для того чтобы развить свой успех против англичан, а весной обрушиться всеми силами на русских. Перед русской Кавказской армией возникала перспектива весной-летом 1916 г. встретиться с объединенными силами кавказской, галлипольской и месопотамской турецких армий. Рассчитывать на поддержку Ставки даже в этой ситуации было нельзя – оставалось лишь самим перейти в наступление до подхода подкреплений к туркам⁵.

Эти рассуждения были небеспочвенны – начальник штаба Главковоерха не только не думал о поддержке Кавказской армии, но и не прочь был использовать ее части на Европейском театре военных действий. Дальнейшие неудачи Антанты могли, по мнению Алексеева, ухудшить положение России на юге и даже повлиять на присоединение Румынии к числу ее противников: «При такой обстановке каждая дивизия, хотя бы и временно командированная с Кавказа для предстоящей операции русских на западе, могла придать последней решительность и расширить ее результаты, почему

начальник штаба Главковерха и просил главнокомандующего Кавказским фронтом обсудить общее стратегическое положение, взвесить возможность успеха на Западном фронте и высказать, каким путем Кавказская армия могла бы принять участие в борьбе, ибо с военной точки зрения было непрактично иметь 150 тыс. винтовок лишь для охранения и наблюдения»⁶.

В январе 1916 г. наштаверх предложил союзникам простое решение. Русские и англичане должны были начать движение на Багдад со стороны Керманшаха и Басры. После взятия этого пункта союзники могли бы организовать наступление на Мосул и далее в Анатолию. «Вообще вместо пассивной обороны Суэца при маловероятном египетском походе германцев, — писал он, — лучше создать сильную союзную группу у Мосула, которая установила бы общность действий с левым крылом нашей Кавказской армии; слишком опасное создалось бы положение для турок, у союзников не было бы войск бездействующих, какими могут оказаться войска, собираемые ныне в Египте»⁷. К концу 1915 г. здесь было собрано около 85 тыс. человек против 40 тыс., которые имелись у турок в Палестине⁸. Впрочем, предложение Алексева не было поддержано — и русские и англичане продолжали действовать активно, но без какой-либо договоренности между собой. Русские войска самостоятельно начали наступление на Эрзерум.

Перед началом Эрзерумской операции против нее высказался Николай Николаевич (младший), поддержанный генералом Ф. Ф. Палицыным. Великий князь не хотел рисковать – он помнил о неудаче штурма Перемышля⁹. Однако Ставка все же предпочла прислушаться к доводам штаба Н. Н. Юденича, который и разработал план наступления. Следует отметить, что этот план первоначально был нацелен исключительно на уничтожение живой силы противника. Главный удар по нему наносился по основной позиции турок в 150 км восточнее крепости. На Кавказе не придавали крепостям значения большего, чем они заслуживали. Необходимо отметить, что штаб Кавказского фронта весьма отличался от других не только в этом.

При Юдениче постоянно работал только лишь полевой штаб во главе с генерал-квартирмейстером генерал-майором П. А. Томиловым. В него входили четыре-пять офицеров Генерального штаба. Каждый из них во время операции курировал один из корпусов, с частями поддерживалась постоянная связь (на это Юденич обращал особое внимание). От офицеров требовалось детальное знакомство с частями, их командирами и обстановкой, готовность к докладу должна была быть постоянной – двадцать четыре часа в сутки. Стол Юденича находился в комнате оперативного отделения, где постоянно присутствовали начальники оперативного и разведывательного отделов. Посередине комнаты стоял стол с картой фронта – каждый из офицеров имел право при об-

суждении операции высказаться и защищать свою точку зрения. Юденич не вмешивался в детали, но требовал их знания от подчиненных, особое внимание уделялось данным воздушной разведки и показаниям пленных. Наиболее важные из них немедленно отправлялись в штаб фронта на автомобиле для личного допроса¹⁰. Этот стиль руководства, традиционный для Кавказской армии, был одной из важных составных успехов Юденича.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего соглашался на наступление на Эрзерум при условии, что оно начнется не позже декабря 1915 г., в противном случае Алексеев готов был снять части с турецкого фронта и перебросить их на германо-австрийский. Кроме того, Верховному командованию пришлось учитывать и возможность обострения ситуации в Персии, где турецкие и германские агенты развернули весьма успешную пропаганду «священной войны» против России и Англии (особенно среди курдов, в районе озера Урмия, то есть в зоне русского влияния), пользуясь сочувствием, а иногда и прямой поддержкой местной жандармерии, находившейся в значительной степени под контролем шведских офицеров-инструкторов.

В самом начале 1916 г. началось русское наступление на Эрзерум. Юденич хорошо подготовил операцию – прежде всего, была соблюдена полная тайна. Перед началом наступления из района Сарыкамыш – Карс был запрещен выезд всех без исключения лиц, отправление любых телеграмм и

писем. Для того чтобы не возбудить подозрений, они принимались, но не отправлялись, а выезд был запрещен под предлогом перегрузки железной дороги, якобы не справлявшейся с перевозкой войск в тыл. В Тифлис с фронта были отправлены команды для покупки елок для рождественских праздников. Эти меры имели успех – повсюду стали распространяться слухи об ослаблении Кавказской армии, никто, в том числе и ее офицеры и солдаты, не ожидали активных действий. В результате русское наступление, начавшееся в новогоднюю ночь, застало турок врасплох¹¹. Уже в первый день, 30 декабря 1915 г. (12 января 1916 г.), были захвачены пленные и трофеи, при этом потери наступавших были весьма высоки¹².

Наступление проводилось в сложнейших условиях, его участник вспоминал: «Здесь сплошное нагромождение безлесных кряжей. Глубочайший снег. Жестокие морозы. Упорное сопротивление турок»¹³. К утру 1 (14) января 1916 г. наступление привело к полному успеху – турецкая армия откатывалась к Эрзеруму. В ночь на 4 (17) января под влиянием известий о появлении русских войск в тылу это отступление превратилось в беспорядочное бегство, что дало возможность блестящим образом отличиться доблестной Сибирской казачьей бригаде. Захватив в кратчайший срок около тысячи пленных, она усеяла дорогу на Эрзерум трупами противника. Среди турецких войск царила паника и дезор-

ганизация¹⁴. 6 (19) января Ставка сообщила об успешном наступлении – на фронте шириной до 100 верст турки откатывались к Эрзерумской равнине. Местами это отступление носит характер панического бегства»¹⁵.

«Насколько турки были не подготовлены к нашему наступлению, – отмечал фронтовой корреспондент “Речи”, – видно из того, что теперь при отступлении они оставляют в наших руках свои артиллерийские и продовольственные склады и большие запасы топлива, так ценимого в тех местах. Лесов там мало, и местное население для топки употребляет кизяк. Но война заставила местное население покинуть насиженные места и уйти подальше от района военных действий, поэтому и кизяк трудно здесь достать. В виду этого запасы топлива, заготовленные турками, можно считать весьма ценной добычей для наших войск. Из складов турки не успели ничего вывезти. Они побросали патроны, снаряжение – все это указывает на беспорядочное отступление, это не отход под укрытие фортов крепости, а бегство под натиском наших войск»¹⁶. 9 (22) января русская артиллерия начала обстрел передовых фортов Эрзерума¹⁷.

В этот момент Николай Николаевич (младший) выступил за приостановление наступления на Кипрекейских позициях, в двух переходах от крепости. Еще в ноябре 1915 г. здесь, на ключевом пункте перед крепостью, русские войска вынуждены были один раз остановиться и отойти после тяже-

лейших боев с активно атаковавшими их турками. Но в середине января 1916 г. положение было другим. Русские передовые части в это время находились уже под городом¹⁸. За две недели боев в тяжелейших условиях они с боями прошли более 60 верст по горным дорогам, овладели многочисленными турецкими складами продовольствия и фуража¹⁹. Само слово «дорога» было применимо к реалиям этого театра военных действий весьма условно.

Существовавшие тропы были замечены снегом, глубина которого доходила до груди человека или брюха лошади. Ввиду того что кони не могли двигаться в таких условиях, дорогу вперед прокладывали люди, расчищавшие проходы и тащившие на себе все необходимое, включая орудия и снаряды²⁰. Для прохода горной артиллерии вперед попеременно высылали по батальону, протапывавшему путь в глубоком снегу²¹. 13 (26) января русские войска заняли плато Кара-Базар, в тяжелейших условиях создав плацдарм для дальнейшего наступления на город. «Наверху двадцатипятиградусный мороз, – вспоминал участник боев на плато, – по утрам обычно пурга, а когда безоблачно – кожа лопается от солнца и снег ослепляет. Под лучами все оттаивает, ночью же замерзает, и одежда покрывается ледяной коркой. Жгучий ветер, подхватывая комья сухого снега, швыряет их в лицо, забивает под полу. Грелки не помогают: удержишь – ладони тепло, а сверху обмерзает. На пятом выстреле пальцы дере-

венеют. Дорог нет, иди целиной. Оползни и обвалы. Волнистая площадь плато утыкана крупными камнями, ломающими лопаты»²².

Артиллерию, как и боеприпасы, приходилось поднимать на руках – крутизна склонов с русской стороны достигала 45 градусов²³. Продовольственных запасов, взятых при начале движения, не хватило. Нормальное питание войск обеспечить не удалось. «Люди потеряли за этот период всякий солдатский вид, – вспоминал генерал Назарбеков. – Лица у них были изнуренные от переутомления, а главное – от сплошного недоедания. Питались лишь исключительно местными средствами. Когда находили муку, то пекли лепешки, а то просто пшеницей»²⁴. Между тем до 29 января (11 февраля) войскам приходилось отбивать контратаки противника и одновременно накапливать силы для решающего удара по турецкой крепости²⁵. Чрезвычайно тяжелыми эти дни были и для противника. Его командование явно не справилось с организацией отступления. Путь отхода турок и курдов был густо усеян трупами убитых и замерзших аскеров и павших выючных животных²⁶.

Для дальнейших действий Юденичу требовалось около 8 млн винтовочных патронов, выделить которые из запаса Карской крепости мог только главнокомандующий армией. Понимая, что возместить эти запасы в ближайшее время будет невозможно, он опасался, что в случае турецкого контр-

наступления Кавказская армия останется без боеприпасов. Новое «великое отступление» Николай Николаевич (младший) не мог себе позволить. Великий князь не понимал, что лучшей гарантией пассивности 3-й турецкой армии станет ее окончательный разгром. В штаб Юденича с поручением от командующего прибыл генерал Палицын. Он считал штурм безумием и авантюрой. В результате после прямого телефонного разговора Юденича с Николаем Николаевичем (младшим) главнокомандующий разрешил штурм под личную ответственность своего подчиненного²⁷. «Былинный богатырь» и «доблестный вождь» в очередной раз показал свои настоящие качества. Посетивший Кавказскую армию генерал-майор Ч. Колвелл довольно точно определил, что настоящим лидером является Юденич, а великий князь им только кажется, и то поначалу²⁸.

Эрзерум имел значение историческое как древний город, история которого была непосредственно связана с обширным районом Османской империи, политическое – как административный центр края, символизирующий власть османов, экономическое – как перекресток исторических торговых путей от Черного моря в Персию и Месопотамию и с Кавказа в глубь Анатолии, стратегическое – как центр военного управления всего русско-турецкого фронта и база 3-й турецкой армии²⁹. Турецкое командование считало крепость вполне надежной и ожидало от нее задержки на-

ступления противника как минимум на несколько месяцев. После 1878 г. эта твердыня укреплялась английскими инженерами, которых сменили в 1890-е гг. их немецкие коллеги. Перед войной на ее вооружении находилось около 700 орудий разных систем и калибров, значительная часть которых была взята потом для усиления укреплений на Дарданеллах. В 1914 г. крепость была переименована в Эрзерумскую укрепленную зону, которая имела шестнадцать фортов на центральной позиции и две фланговые группы по два форта. Выдержать обстрел современных орудий они не могли – в Эрзеруме практически не было бетонных сооружений. На вооружении имелось четыре 150-мм орудия, 20 гаубиц калибром 150 мм, 18 гаубиц калибром 120 мм, 102 полевых орудия калибром 87 мм, 34 – калибром 80 мм и 18 – калибром 75 мм, а также 39 скорострельных 90-мм орудий. Крупновских орудий – всего 235 стволов (не считая артиллерии войск, оборонявших позицию)³⁰.

В ночь на 30 января (12 февраля) 3-й батальон и две роты 4-го батальона 153-го пехотного полка под командованием полковника Даниельбека Пирумова овладели ночным штурмом фортом Далангез. Весь следующий день они отбивали контратаки турок и отстояли позицию³¹. С 31 января (13 февраля) обстрел фортов Эрзерума стал усиливаться. Одному из них удалось нанести существенный ущерб³². В ночь на 2 (15) февраля на русскую сторону перебежал турецкий

артиллерийский офицер с подробными планами расположения войск и артиллерии противника. Перебежчик появился вовремя – днем 2 (15) февраля под крепостью должны были закончить установку шестнадцати тяжелых орудий, прибывших из Карса. Необходимо отметить, что, при всей ценности этого человека, Юденич не стал скрывать своего отношения к нему. Оно выразилось в следующих словах: «Возьмите с собой этого мерзавца, пусть он поможет нашей артиллерии своими указаниями...»³³ В этот же день начался обстрел турецких укреплений тяжелой артиллерией. Он был очень эффективен, что ободряюще действовало на войска, готовившиеся к атаке. В ночь на 3 (16) февраля начался штурм, с самого начала он развивался успешно³⁴.

Город был обречен. «Падение его было неизбежно, но то, что это могло совершиться так скоро, это было уже неожиданностью для нас, – вспоминал участник штурма. – Второго февраля окончательно дрогнули турки, зажгли часть Эрзерума и начали отступать от Эрзерума. Третьего февраля в семь часов утра уже наши войска были в Эрзеруме»³⁵. 4 (17) февраля турки начали готовить общий отход. Об этом можно было судить по взрывам оставшихся в их руках укреплений³⁶. Колебавшийся недавно Николай Николаевич направил в этот день на высочайшее имя следующую телеграмму: «Господь Бог оказал сверхдоблестным войскам Кавказской армии столь великую помощь, что Эрзерум после пятиднев-

ного беспримерного штурма взят. Неизреченно счастлив донести о сей победе Вашему Императорскому Величеству»³⁷. На самом деле город еще не был взят, но русская армия уже контролировала / его укреплений. Судьба Эрзерума уже была решена³⁸.

В ночь на 5 (18) февраля был предпринят генеральный штурм, а утром этого дня Елизаветпольский полк овладел ключевой позицией – фортом Чабандеде, но бои за вторую линию фортов затянулись еще на несколько дней. Только 9 (22) февраля 1916 г. части 1-го Кавказского корпуса вошли в город. Русские потери при взятии крепости составили 14,5 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, более 6 тыс. человек из этой цифры составили получившие обморожения³⁹. Падение Эрзерума, первоклассной в условиях Малой Азии крепости, сопровождалось беспорядочным отступлением противника, большими человеческими и материальными потерями⁴⁰. Ряд турецких батальонов потерял от 90 до 98 % своего состава⁴¹. К северо-западу от города были окружены и взяты в плен остатки 34-й турецкой дивизии, на Эрзерумском шоссе такая же участь постигла один из отступавших полков противника⁴².

На главной оборонительной линии фортов было захвачено 197 исправных орудий разного калибра, а в центральной ограде крепости – еще 126. В плен попало 235 офицеров и 12 753 нижних чина⁴³. При преследовании было захвачено

еще 79 орудий⁴⁴. О характере деморализации турецкой армии можно было судить по количеству русских трофеев. В первый день штурма было захвачено 6 орудий противника, во 2-й – еще 7, в 3-й – 29, в 4-й – 70, в 5-й – 200⁴⁵. На фортах и в городе противником было оставлено большое количество боеприпасов, пороха, продовольствия, скота⁴⁶. «Деморализованные остатки турецкой армии, – отмечал “Военный сборник”, – отступали в беспорядке к западу, причем в некоторых трехдивизионных корпусах насчитывалось 3–5 тыс. штыков с несколькими орудиями»⁴⁷. 6 (19) февраля 1916 г. Штаб Верховного главнокомандующего сообщил также о взятии городов Муш и Ахат⁴⁸.

Несмотря на очевидный успех, немедленно после взятия Эрзерума началось перевооружение его укреплений – из трофейных орудий было оставлено 65 стальных пушек, кроме того, из Карской крепости было перевезено 312 орудий, к которым присоединили 16 осадных орудий, участвовавших в подготовке штурма. В порядок были приведены и пострадавшие от русской артиллерии форты⁴⁹. Для работ на укреплениях в Карсе и области было нанято около 1,5 тыс. чернокожих – им выплачивалось 45 руб. в месяц (минимум) с предоставлением трехразового питания и крова⁵⁰. Рабочую силу поначалу пришлось привозить из России – окрестности Эрзерума, насчитывающие до войны почти 70 тыс. человек,

были почти безлюдными⁵¹. Работы в городе были срочными и масштабными – санитарно-гигиеническое его состояние было ужасным. К этому нужно еще добавить постоянную угрозу эпидемий – в Эрзеруме было захвачено около 40 тыс. сыпно-тифозных больных, смертность в их рядах была ужасной – до 50–60 %. Город пришлось срочно приводить в порядок – расчищать улицы, создавать дезинфекционные центры, бани, и т. п.⁵²

При этом следует отметить, что Эрзерум практически не пострадал от обстрела при штурме⁵³, но после событий 1915 г. находился в удручающем состоянии. «Глинобитные дома разорены, без крыш, без дверей, – отмечал русский военный журналист. – Полсотни уцелевших строений (из 3 тыс.) тщательно занумерованы»⁵⁴. Кроме ужасного состояния города турки оставили русским войскам весьма знакомую типичную картину разрушения. Это было второе и, как оказалось, последнее уничтожение этого города. В 1827 г. население Эрзерума составляло около 130 тыс. человек, после ухода армян вслед за русскими войсками в 1829 г. он опустел, в 1835 г. здесь жило не более 15 тыс. человек. В начале XX столетия армянское население составляло около четверти всех жителей города⁵⁵. Теперь около 25 тыс. армян Эрзерума исчезли, они были практически полностью вырезаны⁵⁶. То же самое произошло и в Муше. Город имел преимущественно армянское население, после резни здесь осталось

около 50 семейств мусульман⁵⁷.

От самого многочисленного элемента округа Эрзерума – крестьян, занимавшихся земледелием, огородничеством и извозом, – не осталось и следа⁵⁸. Мусульмане в большом количестве ушли вслед за своими войсками⁵⁹. К моменту прихода русских войск из населения осталось около 24 тыс. турок и менее сотни армян – это были сохранившиеся «по необходимости» ремесленники⁶⁰, 18 девушек, спасшихся в американской миссии, 53 человека было укрыто турками. Остальные были депортированы из города в Месопотамию, большая часть мужчин при этом была истреблена по дороге⁶¹. Когда началось русское наступление, турецкие власти попытались организовать «депортацию» греков, однако сделать этого не успели⁶². Перед уходом турками были взорваны все более или менее значительные постройки, принадлежавшие армянской церкви, в частности – купол церкви Святой Богородицы⁶³.

Следует признать, что турецкие власти в конечном итоге добились своего – в городе в основном осталось только турецкое население⁶⁴. Теперь русские власти вынуждены были заняться его спасением. Приведением Эрзерума в порядок активно занимались лазареты и отряды Земгора⁶⁵. Это была огромная по масштабам задача. Начальник дезинфекционно-бактериологического отряда профессор И. И. Широкого-

ров в апреле 1916 г. докладывал в Главное управление Красного Креста: «В настоящее время город очищается от трупов и грязи, скопившейся многими столетиями»⁶⁶. Отряды Земгора и Красного Креста также начали оказывать и систематическую медицинскую помощь скопившимся в городе гражданским лицам. Одной из проблем оказалось отсутствие женщин-врачей, «.. так как женщины местного населения к мужчинам-врачам не обращаются вовсе»⁶⁷. Схожая ситуация сложилась и в Муше, где возникла эпидемия сыпного тифа. Командовавшему тут войсками генералу Назарбекову пришлось приложить немалые усилия для сохранения оставшейся части мусульманского населения от возмездия со стороны возвращающихся с русской армией армян⁶⁸.

Успех Кавказской армии был отмечен двухдневными торжествами в Тифлисе – на Эриванской городской площади при огромном стечении народа экзархом был отслужен благодарственный молебен. Католикос армян распорядился отслужить его во всех армянских церквях, масса беженцев воспряла духом, надеясь вернуться к своим домам. В мечетях прошли благодарственные молебствия. Перед дворцом наместника шли массовые манифестации, которые он приветствовал с балкона. В ответ раздавалось «Ура!». В адрес Николая Николаевича (младшего), превратившегося в главного героя победы, шел поток поздравительных телеграмм. Между тем он только 7 (20) февраля отбыл из столицы наместни-

чества во взятую крепость⁶⁹. Только 15 (28) февраля последовало награждение главного полководца Кавказского фронта – Н. Н. Юденич был награжден орденом Святого Георгия 2-й степени⁷⁰.

Русская победа в Малой Азии имела большой международный резонанс. Это было тяжелое время для Антанты – бои на Западном фронте отличались высоким уровнем потерь без «эффектных» результатов. В Англии появлялись первые признаки недовольства среди рабочих. «В феврале началась эпическая оборона Вердена, – вспоминал советник русского посольства в Лондоне, – и единственным благоприятным для общего дела союзников ярким событием было взятие Эрзерума русскими войсками»⁷¹. Британская пресса сразу же признала, что это существенно облегчило английской армии задачу обороны Египта⁷². Британский посол во Франции лорд Ф. Берти отмечал: «Эрзерум великолепен: ходят слухи, что победа достигнута при помощи золота»⁷³. Очевидно, это был отклик на историю с перебежчиком. По свидетельству Лимана фон Сандерса, поражение под Эрзерумом шокировало турецкое правительство и командование, вынужденное в течение нескольких месяцев скрывать эту новость от населения и от султана Мухаммеда V⁷⁴. Русское наступление на турецком фронте продолжалось вплоть до начала апреля – турки отступили от крепости на расстояние до 120 км⁷⁵.

Успех под Эрзерумом был развит новыми достижениями. Преследование отступавшего противника продолжалось еще восемь дней и остановилось со взятием города Битлис. В этот момент русским войскам в основном противостояли уже не турки, а курды⁷⁶. «Весь район до Мушской долины, – вспоминал участник наступления, – был покинут жителями, и селения их были разрушены. Морозы стояли очень сильные, а снег достигал высоты человеческого роста. Противник сопротивлялся слабо, но борьба с природой и бездорожьем отнимала все силы людей»⁷⁷. Положение усугублялось отсутствием продовольствия, фуража, топлива⁷⁸. В ночь на 19 февраля (4 марта) штыковой атакой в метель и пургу русские войска овладели городом Битлис. В городе было захвачено 20 новейших крупновских орудий⁷⁹. Ни мороз, ни бездорожье, ни глубокий снег не остановили русскую атаку. Внезапным штыковым ударом шедшая в трех колоннах пехота овладела позициями на горах вокруг города, вслед за этим на позиции под городом ударила кавалерия. Ранним утром город был уже в руках русских⁸⁰. В плен попало 5 тыс. человек. Серьезного сопротивления не было – очевидно, никто не ожидал атаки в таких условиях: потери штурмующих были незначительны – не более 25 человек⁸¹. 4 (17) марта в 90 км от Эрзерума был взят город Мамахатун, 44 турецких офицера и 770 солдат попало в плен, 5 орудий, пулеметы и обоз стали добычей русских войск⁸².

Реальные и вымышленные успехи в снабжении фронта

После войны люди в эмиграции, патронировавшие «отечественному производителю», начали создавать легенду об особой ответственности военных за уступчивость промышленникам. Скандалы, которыми зачастую сопровождалось получение сверхприбыли, были немалым вкладом в пропаганду социалистов. «Справедливость требует признать, — отмечал Карел Крамарж, — что агитация среди рабочих была очень облегчена баснословными, как выражались, военными барышами. В этом отношении военная администрация и военная промышленность повсеместно повинны в тяжелых грехах. Довоенная бережливость финансового ведомства встречала презрение. Деньгами швырялись. Военные, по незнакомству с делом, а иногда и по другим, менее извинительным, причинам, назначали цены, которые промышленникам до войны и не снились. Чем более настоятельна была потребность, тем более высокую цену они давали, думая таким путем обеспечить поставку товаров»¹.

Основным источником информации для Крамаржа, прошедшего большую часть военных лет в австрийской тюрьме, был П. Н. Милюков и близкие ему люди. На деле все обстояло несколько по-другому. Военные заказы действительно

но становились лакомым средством извлечения высоких доходов для частной промышленности. Значительная часть населения страны, особенно городского, не бедствовала. Свидетельством тому можно считать постоянный рост вкладов в сберегательные кассы. Уже за первый год войны он составил 1,75 млрд руб. С 1 августа 1915 по 1 февраля 1916 г. вклады выросли еще на 1,8 млрд руб., в целом же с 1 августа 1914 по 1 февраля 1916 г. они выросли более чем на 3,5 млрд руб., то есть их среднемесячный военный прирост составил около 185 млн руб. Расходы бюджета на войну были неслыханно высоки. По исчислению министра финансов, только за первую половину 1914 г. года они достигли 1,657 млрд руб., за 1915 год – уже 8,931 млрд руб., а на 1 января 1916 года – до 10,588 млрд руб. Если в начале войны каждый день военных действий обходился России в 8 млн руб., то в конце 1915 года ежедневные военные расходы достигли 31 млн руб.²

Уже в сентябре – октябре 1914 г. шестнадцать крупных заводов России получили первые заказы на 7,7 млн трехдюймовых снарядов на сумму 89 млн руб. Условия контрактов были очень выгодными – заводы получили свыше 12 млн руб. бесплатной дотации на оборудование предприятий, 65 % стоимости заказа выплачивалось авансом³. Самый мощный завод империи – Путиловский – получил станки из Англии и Германии для производства 3-дюймовых шрапнелей примерно за месяц до начала войны. Шрапнельные мастерские были готовы на четвертый месяц войны, и основ-

ные силы завода были брошены на ее производство. О его масштабах можно судить по следующим цифрам: в первый год производства шрапнелей было произведено на 25 млн руб., а орудий и лафетов – только на 23 млн руб.⁴

Русский шрапнельный снаряд, весьма эффективный в условиях мобильной войны, при применении против открытых целей на расстоянии в 2 и менее км был абсолютно бессилен против самых незначительных укрытий (из-за слабого вышибного заряда – всего 85 г пороха) и земляных насыпей – на расстоянии 4 км от его пуль успешно укрывала даже насыпь в 60–70 см⁵. Ясно, что в условиях окопной войны армия нуждалась в другого рода снарядах, но частная промышленность не была заинтересована в других заказах. Маниковский вспоминал: «.. именно 3-дюймовая шрапнель и была тем первым лакомым куском, на который оскалились зубы всех шакалов, для которых, кроме легкой наживы, нет на земле ничего святого и у которых, к великому несчастью для России, оказывалось подчас немало сильных покровителей.»⁶ Эти люди, зачастую не столь компетентные в технических вопросах, обладали одним преимуществом – уверенностью в собственной правоте. «Русским промышленникам были поставлены неприемлемые условия», – утверждал Милуков, убежденный в недееспособности правительства и его представителей⁷.

На Маниковского, препятствовавшего грабительскому

диктату общественных организаций, посыпались жалобы в Ставку, даже император в разговоре с ним посоветовал «не раздражать общественное мнение»⁸. Трехдюймовая шрапнель оценивалась казенными предприятиями в 9 руб. 83 коп., а частными – в 15 руб. 32 коп., гранаты того же калибра соответственно в 9 руб. и 12 руб. 13 коп. за штуку, снаряды к шестидюймовым гаубицам в 42 и 70 руб. за штуку. При этом Совет съездов металлообрабатывающей промышленности в своих резолюциях 26 июня и 13 сентября 1916 г. категорически протестовал против расширения государственного сектора экономики как неэффективного. Ссылки на европейский опыт, естественно, не принимались, а жаль. В Англии, например, в начале войны был только один арсенал в Вулвиче, на котором изготавливалось все вплоть до обмундирования. Кроме того, существовал полувоенный завод в Энфилде и завод взрывчатых веществ в Вельтам-Абби. Этим, собственно, и ограничивалась военная промышленность Великобритании до 1914 г.⁹ В короткое время министерством боеприпасов там было построено еще восемнадцать арсеналов, и, кроме того, в это ведомство было передано еще тридцать два «национальных» завода, производивших снаряды¹⁰.

С приходом А. А. Поливанова в Военное министерство кредиты, отпускаемые ВПК, постоянно росли. На 15 (28) сентября 1915 г. комитетам было отпущено 7 500 тыс. руб.

(из них авансом – 1 554 362,02 руб.), на 1 (14) октября 1915 г. – 8 500 тыс. руб. (из них авансом – уже 4 647 820,75 руб.), на 1 (14) ноября 1915 г. – 12 619 457,25 руб. (из них авансом – 9 251 054,96 руб.). Как видно, резко и совершенно непропорционально росли и авансы. В результате к началу декабря 1915 г. из выделенных ВПК 15 954 457,25 руб. авансом было выплачено 12 932 346,81 руб., то есть свыше 81 %. При этом львиная доля этих средств распределялись ЦВПК, на балансе которого на 1 (14) ноября находилось 13 818 001,13 руб.¹¹ Столь льготное положение военно-промышленных комитетов тем более удивительно, что уже летом 1915 г., то есть всего через несколько месяцев после своего образования, они уже явно продемонстрировали свою неспособность справиться с решением задач снабжения фронта. 8 (21) августа министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской препроводил на имя Поливанова доклад представителей военно-технической комиссии о результатах проведенного ею осмотра фабрик и заводов Московского района, работавших на военные заказы.

Выводы документа были недвусмысленны: «Представляя Вашему Сиятельству это заключение Комиссии, считаем долгом совести своей заявить, что при обзоре ею заводов и фабрик она не нашла в их деятельности той готовности в деле скорейшего изготовления снарядов, которую неоднократно высказывали заводчики и фабриканты в своих пожеланиях. Объяснение заводчиков, что малая продуктивность

в изготовлении снарядов зависит от недостатка квалифицированных рабочих, по мнению Комиссии, не имеют серьезного основания. Поэтому полагаем, что для скорейшего изготовления снарядов необходимы самые решительные меры со стороны Правительства, граничащие с военной повинностью. Только тогда и можно будет ожидать успешной работы в этом чрезвычайно важном деле»¹². Однако решительные меры так и не последовали. Правительство продолжало проводить на удивление мягкую политику в отношении отечественного предпринимателя, который продолжал заявлять о своей готовности помочь армии. В ходе войны было реквизировано 28 предприятий из более 5200, работавших на оборону. Одним из них был Путиловский завод. Как верно отмечает один из исследователей русской военной экономики 1914–1917 гг., эта мера была скорее исключением, чем правилом¹³. Исключительными были и обстоятельства, вызывавшие подобные действия правительства.

13 (26) августа 1915 г. Обществу Путиловских заводов был дан огромный заказ на производство 6-дюймовых бомб к гаубицам. Общая его сумма составила 18,2 млн руб. Заводы должны были изготовить 260 тыс. снарядов по цене 70 руб. за штуку¹⁴. Это была очень высокая цена. Казенные заводы изготавливали эти снаряды по цене 48 рублей за штуку¹⁵. Но и частные заводы не всегда могли надеяться на такие выгодные условия. Для сравнения приведу следующий

факт: 13 (26) мая 1916 г., то есть через девять военных месяцев (!) «Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов» (завод в Юзово Екатеринославской губернии) предлагало 6-дюймовые снаряды по цене 62,5 руб. за штуку¹⁶. С середины 1913 по начало 1915 г. Путиловский завод уже заключил 19 контрактов с Военным и 4 – с Морским министерствами на 1500 скорострельных, 320 3-дюймовых конных и около 500 горных пушек, 420 48-линейных гаубиц, 154 крепостные пушки разного калибра и 3 млн снарядов. Тем не менее правление продолжало вести борьбу за новые заказы, более выгодные по ценам и объемам, стараясь под различными предлогами отложить выполнение старых¹⁷.

Уже на следующий день после получения заказа на шести-дюймовые снаряды правление Путиловских заводов подало в ГАУ заявление, в котором говорилось о том, что предыдущие его заявления (на основе которых и был предложен контракт) делались из предположения, что Морское министерство приостановит исполнение своего заказа на производство 130-мм снарядов на время с 1 января 1916 до 1 января 1917 г. Это означало, что русские линейные корабли Черноморского флота («Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая»), вступившие в строй в августе и октябре 1915 г., должны были весьма и весьма осторожно использовать свою противоминную артиллерию. Каждый из черноморских дредноутов по проекту имел по 20 орудий 130-мм калибра для борьбы с эсминцами и подводными лод-

ками противника. Неудивительно, что И. К. Григорович отказался предоставить данную льготу. Правление общества в ответ заявило, что оно не в состоянии выполнить своевременную поставку.

Для того чтобы избежать срывов, оно предлагало: 1) сократить поставку с 260 тыс. до 135 тыс. снарядов, с включением в последнее число полученного в мае 1915 г. заказа на 90 тыс. таких 6-дюймовых бомб. Этого было мало — правление требовало отмены заказа на 55 тыс. 42-линейных шрапнельных снарядов, данного еще в июле и октябре 1914 г., изменения сроков поставки, увеличения кредитов и предоставления финансовых льгот, в том числе для покупки валюты. Последнее условие было важным, так как с началом войны прекратились нормальные финансовые связи русских банков с границей. Не способствовало им и временное приостановление размена кредитных билетов на золото, последовавшее 23 июля (5 августа) 1914 г. За эти льготы правление соглашалось понизить цену 6-дюймового снаряда до 68 руб. за штуку¹⁸.

Генерал Маниковский предложил пойти на уступки. Выбора у нового начальника ГАУ не было, но причины для мягкого решения наличествовали. Перед войной А. И. Путилов заключил договор с фирмой Шнейдера о финансировании завода на сумму в 28 млн руб., который так и не был реализован. Однако кризиса удалось избежать благодаря льготным военным заказам. Война застала завод на этапе реконструк-

ции, оружейное производство зависело от поставок станков из Великобритании и США. В феврале 1915 г. здесь была принята программа кратчайшего перехода на военные рельсы, предусматривавшая увеличение производства шрапнелей в 10 раз, а орудий различных систем – в 3,5 раза (до 200–250 в месяц). Кроме того, завод занимался и ремонтом поврежденных орудий¹⁹. Для помощи в организации производства в октябре 1915 г. на завод были назначены правительственные инспекторы – бывший директор Петроградского политехнического института князь А. Г. Гагарин и инженер-генерал-майор профессор Г. Г. Кривошеин²⁰.

С фактическим приходом сюда военной администрации ГАУ было готово рассматривать завод как казенный. В результате было принято решение пойти навстречу Обществу Путиловских заводов – сократить заказ до 135 тыс. снарядов, при условии снижения цены до 68 руб., при этом устанавливался четкий график поставок. В октябре – ноябре 1915 г. завод должен был поставить по 2,5 тыс. снарядов, в декабре 1915 и январе 1916 г. – по 10 тыс., в феврале – марте 1916 г. – по 25 тыс., и в апреле – мае 1916 г. – по 30 тыс. снарядов. Программа была провалена, вплоть до января 1916 г. не было сдано ни одного 6-дюймового снаряда. Не в лучшем состоянии находилась и программа милитаризации производства. С одной стороны, в декабре 1915 г. на Путиловском заводе было произведено 219 орудий вместо планируемых 180 (при норме производства в 30 орудий в месяц в начале вой-

ны). Однако это были преимущественно 3-дюймовые полевые (157) и горные (32) орудия и только 30 48-линейных гаубиц. Из заказанных четырех 6-дюймовых осадных орудий не было сдано ни одного. Еще хуже дело обстояло со снарядами. Завод увеличил лишь производство 3-дюймовых шрапнелей (со 150 тыс. до 175 тыс. штук). Зато план по производству гранат того же калибра был недовыполнен (75 тыс. вместо 76 тыс.), а поставки крупных калибров: 48-линейных шрапнелей (3536), 6-дюймовых фугасных бомб (10 тыс.) и 130-мм снарядов для моряков (1531) – были сорваны²¹.

Конечно, переход к производству военной продукции был чрезвычайно сложен технологически и требовал наличия подготовленных кадров, специально изготавливаемых эталонов и лекал, которых у частных заводов не было, да и не могло быть. Например, для изготовления трехлинейной винтовки требовалось 106 деталей и 540 лекал, револьвера – 54 детали и 424 лекала, пулемета системы максим – 282 части и 830 лекал, его станка, соответственно, 126 и 234, а винтовочного патрона – 4 и 95²². Однако, как выясняется, это было далеко не главной причиной срыва поставок, за которые отвечали военно-промышленные комитеты и частная промышленность. Инспекторами было обследовано 63 предприятия, в результате чего появились следующие цифры:

	<i>Причина недопоставки</i>	<i>Число составивших предприятий</i>
1)	отсутствие необходимого для производства материала, несвоевременная его доставка или затруднение в его получении	43
2)	недостаток опытных рабочих рук в связи с призывом на военную службу	11
3)	отсутствие, недостаток и задержка в получении топлива	7
4)	слабость оборудования, недостаток станков, инструментов, новизна производства	17
5)	отсутствие, недостаток проверочных инструментов	2
6)	изменение в чертежах и технических условиях	1
7)	позднее получение стволь, образцов деталей и отливок	10
8)	несвоевременное получение чертежей и технических условий, неясность некоторых вопросов	9
9)	недостаток аванса	5
10)	поздняя командировка браковщиков и приемщиков	8
11)	отсутствие инструкторов	4
12)	недостаток электроэнергии	1
13)	загруженность завода	1
14)	проверка готовых изделий	1 ²³

Обращает на себя внимание тот факт, что из 120 перечисленных случаев ссылок на причины срыва поставок 50 относятся к области, в которой руководители ВПК считали себя специалистами, – организации поставок материалов, сырья и топлива. На фоне этого проблема проверочных инструментов (2 случая), изменение в чертежах (1 случай) и даже новизна производства (17 случаев) явно отходят на второй

план. Провал был полным.

Неудивительно, что комитеты не справлялись с заказами Военного министерства. К концу декабря 1915 г. Московский ВПК должен был сдать 225 бомбометов (из заказанных 500), но не сдал ни одного, при этом не было никакой надежды на то, что заказ будет выполнен вовремя – его срок пришлось продлевать. Из 460 518 снарядов для 9-см бомбометов, заказанных тем же комитетом, к 1 декабря 1915 г. подлежало сдаче 440 518 штук, но реально сдано только 6500 снарядов. Мин к минометам Дюмезиля (58-мм) было заказано 50 тыс., причем началом поставок было определено 1 января 1916 г. Поставок мин не было. Из заказанных 3 151 тыс. ручных гранат на декабрь 1915 г. было сдано 15 тыс. Основные причины срывов были теми же – недостаток топлива и чугуна в связи со срывом их поставок²⁴. Положение в Московском районе было достаточно показательным. Отчет Центрального военно-промышленного комитета, составленный по данным 26 ноября (9 декабря) 1915 г., явно свидетельствовал об этом. Единственным выполненным заказом были футляры для фугасов (1000 шт.). Была даже недопоставка деревянных ящиков для ручных гранат. Из общего числа 187 500 заказанных ящиков к сроку составления отчета подлежало сдаче 9337 штук, а было сдано только 2000²⁵. Срывы заказов становились хроническими.

К 1 января 1916 г. бомб к бомбометам у ВПК было заказано 3245 тыс., подлежало поставке 2 250 750, а сдано 91

136. Те же показатели по минам составили соответственно 663 400, 152 221, 119. Из обещанных 2 250 726 чугунных снарядов для 48-линейных гаубиц было сдано 96 136 штук. При этом ВПК по-прежнему собирал 1 % стоимости всех проходивших через него заказов и, будучи заинтересован в повышении расценок, поднимал цены²⁶. Последнее удавалось комитетам особенно удачно – в целом за первые шесть месяцев своего существования ВПК выполнили не более 2–3% полученных заказов, в 1916 г. военные заказы на сумму в 280 млн руб. были выполнены комитетами в срок в пределах не более 10 %. Среди региональных комитетов были и свои рекордсмены, вроде Московского, выполнившего заказ чуть более чем на 50 %, Ревельского – на 14,5 %, но были и Закавказский, выполнивший заказ на 7,1 %, и Вятский, получивший 1797 тыс. руб. и не давший ничего. По самым оптимистическим подсчетам, совокупный удельный вклад 1300 предприятий, объединенных ВПК, в дело национальной обороны составил за все время их существования 6–7%, в стоимостном выражении – всего 800 млн руб. Не выдерживает никакой критики и тезис о важном значении мобилизации мелкой промышленности для нужд обороны, на которую было не способно государство и которую якобы должны были провести общественные организации. Военная продукция была слишком сложной для подобного рода предприятий, и неслучайно весь военный период шел практически параллельный процесс их закрытия и открытия крупных

заводов и фабрик²⁷. Казалось бы, у военно-промышленных комитетов не было оснований для самоудовлетворения, но их руководство продолжало старую политику.

Распределялись и не выполнялись заказы, одновременно возвеличивалась роль военно-промышленных комитетов в деле снабжения армии. Удивительно вызывающе и двусмысленно звучала оценка (в феврале 1916 г.) восьми месяцев работы ЦВПК и Особого Совещания по обороне государства: «...основными причинами возникновения Особого Совещания были: 1) обнаруженная неудачным ходом войны недостаточность снабжения армии всем для нее необходимым; 2) отсутствие в правительственной среде знакомства с силами и средствами страны, которые под угрозой поражения надо было мобилизовать. Ведомству военному, деятельность которого в мирное время вращалась в довольно узкой сфере излюбленных поставщиков армии и флота, задача эта, конечно, была не под силу»²⁸. Конечно, положение со снабжением армии было тяжелым. Новому военному министру генералу А. А. Поливанову наладить достаточные поставки не удалось, весь 1915 г. министерство издавало циркуляры о необходимости экономить боеприпасы, пользоваться ими только для отражения атак неприятеля, что тяжело сказывалось на морали войск. Однако в знаменитом снаряжном кризисе был виноват не один Поливанов, но уж, во всяком случае, и не один В. А. Сухомлинов. У данной проблемы была и еще одна составная – производство взрывчатых веществ.

В начале войны их изготавливали на одном частном и двух казенных заводах, этих мощностей более чем хватало для потребностей мирного времени. Для воюющей страны требовалось уже более широкое использование частных заводов. С февраля 1915 по март 1916 г. взрывчатка производилась уже на двух казенных и десяти частных заводах²⁹. Однако к этой работе ВПК вообще не имел никакого отношения. Даже в начале войны русское командование было убеждено, что война не продлится более шести, максимум девяти месяцев. Редкие пессимисты говорили о годе³⁰. Через полгода после объявления мобилизации несостоятельность этих расчетов стала очевидной. 6 февраля 1915 г., то есть еще при Сухомлинове, при ГАУ была организована Комиссия по заготовлению химических веществ. В апреле 1916 г., то есть уже при Д. С. Шуваеве, она была преобразована в Химический комитет при ГАУ³¹.

Ежемесячная потребность в разного рода взрывчатых веществах с июня 1915 по май 1916 г. равнялась 165 тыс. пудов, в то время как отечественные заводы давали по 60 тыс. пудов до июля 1915 г., и по 61 тыс. пудов – после. Ежемесячная потребность в порохе за тот же период увеличилась со 148 020 до 183 940 пудов, в то время как отечественное производство – с 50,9 тыс. до 58 тыс. пудов в месяц³². Производство химических составных взрывчатых материалов – толуола и сырого бензола – находилось под контролем спе-

циальной комиссии во главе с генерал-майором академиком В. Н. Ипатьевым. До войны все эти материалы ввозились из Германии, попытки заказать толуол и тротил в США дала ничтожные цифры поставок³³.

«Самый трудный вопрос во всех странах, а особенно у нас в России, – вспоминал сотрудник Ипатьева, – был вопрос взрывчатых веществ. У нас особенно, потому что в России не было необходимых для этого производства полуфабрикатов. К началу Великой войны русские казенные заводы производили в месяц около 100 тонн различных взрывчатых веществ, каковых и было достаточно для выделки, согласно “Малой программе”, по одному выстрелу на пушку»³⁴. В 1909 г. на вооружение в России был принят тротил, однако вплоть до начала войны чистый бензол – сырье для производства толуола, из которого делали тротил, – ввозили из Германии³⁵. В начале войны, когда обнаружился недостаток толуола и бензола, в связи с чем русские заводы были вынуждены резко сократить собственное производство взрывчатки, ГАУ создало комиссию под руководством генерал-майора профессора А. В. Сапожникова и капитана М. М. Костевича. Комиссия пришла к выводу, что быстро наладить собственное производство в единственном подходящем для этого месте – Донецком районе – не удастся.

После этого Сапожников был отправлен в США, а Костевич – в Англию. Перед ними была поставлена задача: обеспе-

чить размещение заказов на толуол, тротил, бензол и порох в необходимых объемах. Сделать это было невозможно. Достаточного собственного производства у союзников не было, цены на эти продукты на международном рынке резко выросли³⁶. Все это никак не способствовало успеху миссии Сапожникова – Костевича, но им удалось добиться определенных результатов. На бумаге дело обстояло не так уж и плохо. С июня 1915 по май 1916 г. наблюдался постоянный рост поступлений заграничных заказов на взрывчатые вещества (с 4000 до 109 055 пудов) и порох (с 23 160 до 182 830 пудов)³⁷. Однако к последним цифрам необходим крайне осторожный подход. Прежде всего, в них должна была учитываться сдача заказа на заводах-изготовителях, которые часто срывали график подачи заказанных материалов. Кроме того, существовали огромные сложности с вывозом произведенного, особенно из США в Россию.

Ставка преимущественно на отечественное производство различного рода взрывчатых веществ, каким бы слабым оно ни было в 1914 г., становилась безальтернативной. «Непосредственно за объявлением войны, – отмечал Ипатьев, – выяснилось, что наша химическая промышленность находилась на такой ступени развития, что не могла удовлетворять тем потребностям, которые стали предъявляться военным ведомством. Необходимо отметить также, что в учрежденном сравнительно незадолго до войны Министерстве торговли и промышленности не имелось еще достаточно обрабо-

танных данных относительно возможного добывания в России тех или других необходимых материалов, привозимых из-за границы, без которых нельзя было обойтись при создании той или другой отрасли химической промышленности. В особенности это должно было сказаться в области изготовления взрывчатых и других химических веществ, для обороны страны потребовалось значительное количество серной и азотной кислоты, а также ароматических углеводородов, фенола и пр. Надо было с самого начала объявления войны принять энергичные меры к насаждению у нас химической промышленности и разработке широкого строительства необходимых химических заводов. К сожалению, в первые месяцы войны почти ничего не было сделано в этом направлении, так как, с одной стороны, полагали, что война будет непродолжительна, а с другой стороны, надеялись, что все необходимое могло быть закуплено или у союзников, или в Америке. *Но когда убедились, что по части химической промышленности у наших союзников дело обстояло немногим лучше, чем у нас, а в Америке надо было строить новые заводы для получения необходимейшего для нас толуола и бензола, то Военному ведомству пришлось принять все меры к тому, чтобы наладить производство взрывчатых веществ и исходных для них материалов внутри страны* (курсив мой. — А. О.)»³⁸. Вынужденное обстоятельствами решение оказалось наиболее продуктивным.

ГАУ образовало вторую комиссию для выяснения воз-

возможностей Донецкого района, на этот раз под руководством В. Н. Ипатьева. Она пришла к выводу – наладить производство основных компонентов взрывчатки в России можно³⁹. Одной из проблем его увеличения было качество изготавливаемого отечественного бензола. Его чистота – 50 % – была недостаточной, и для дальнейшей очистки до 90 % производимый в Донецком районе бензол необходимо было перевозить в Петроград, после чего очищенный бензол поступал в Москву для производства пикриновой кислоты, а толуол поступал на Самаро-Сергиевский завод для производства толуола. Использовать мощности Охтенского завода взрывчатых веществ с середины апреля 1915 г. было невозможно. На заводе произошел взрыв, производственные мощности были частично уничтожены⁴⁰. Несмотря на это, комиссия сумела организовать перевозки и производство без срывов. Производство взрывчатки на заводах комиссии в марте 1915 г. равнялось 9706 пудам, в апреле – 17 388 пудам, в мае – июне – соответственно 25 154 и 37 366 пудам. За год с февраля 1915 по февраль 1916 г. оно увеличилось с 6342 по 93 100 пудов, то есть приблизительно в 14,68 раз⁴¹. 20 августа 1915 г. удалось сдать бензоловый завод в Кадиевке (Южно-Днепровское общество), который сдавал по 200 тыс. пудов сырого бензола в год по довоенной германской цене. Это было чрезвычайно выгодное решение, причем выгода эта не ограничивалась финансовой стороной дела. Частные

предприниматели потеряли монопольное положение на русском рынке. В результате они были вынуждены сбавить цену и приступить к строительству новых заводов. В краткие сроки появилось еще двадцать бензольных заводов и не только в Донецком районе, но и в Сибири и Кузнецком районе⁴².

Схожие по объему и сложности проблемы возникли и с серной, азотной кислотой, селитрой, аммиаком и другими составляющими производства боеприпасов и боевых отравляющих веществ, производство которых было также поручено Химическому комитету. В тяжелой обстановке лета 1915 г. Ипатьев сделал правильный выбор в пользу создания собственных производственных мощностей. Строительство химического завода в среднем занимало около года. С января 1916 по май 1917 г. было пущено 33 сернокислотных завода, причем с сентября по ноябрь 1916 г. их количество увеличилось более чем в 2 раза, с 14 до 30⁴³. Между тем это была задача столь же масштабная, сколь сложная. Часть довоенных заводов, расположенных в Царстве Польском и Риге, были потеряны, часть работали исключительно на заграничном сырье. Довоенное среднемесячное производство – 1,25 млн пудов серной кислоты – в июле 1917 г. упало до 700 тыс. пудов. Собственная годовая добыча серного колчедана (Урал и Кавказ) колебалась в пределах 5–6 млн пудов, в то время как для уровня довоенного производства его необходимо было иметь в пределах 19–20 млн пудов. Разница импортировалась. Комитет принял ряд мер по разработке

отечественных месторождений серного колчедана, цинковой обманки, свинцового блеска, серы и пр. В результате уже к январю 1916 г. производство серной кислоты увеличилось до 1 млн пудов, а к марту – до 1 296 918 пудов⁴⁴.

Таким образом, серная кислота уже не была препятствием к производству взрывчатки. Примерно такие же сложности существовали и с производством азотной кислоты, основное сырье для которой – селитра – ввозилось в Россию из Чили через Владивосток в пределах 6–7 млн пудов в год⁴⁵. При этом обычно в качестве перевозчиков использовались германские пароходные общества, на русских судах ввозилось лишь примерно 4 % этих грузов⁴⁶. Русско-чилийские торговые связи были мизерными – в 1913 г. в Чили было ввезено из России 1580 пудов консервированной рыбы. В том же году в Россию было ввезено чилийской селитры на сумму в 4881,6 тыс. руб., из них под немецким флагом – на 3655 тыс. руб., британским – на 708 тыс. руб., американским – на 108 тыс. руб., голландским – на 80 тыс. руб. и бельгийским – на 70 тыс. руб.⁴⁷ Собственных запасов селитры в империи не было, прямые рейсы в Чили к весне 1915 г. практически прекратились, а перевозчики не имели свободного тоннажа, заменить отсутствие поставок под немецким флагом было практически нечем.

В результате было принято решение наладить производство аммиачной селитры у себя, и осенью 1916 г. был сдан

в строй казенный завод в Юзовке, производивший 500 тыс. пудов селитры в месяц, то есть 6 млн пудов в год. В распоряжении комитета работало около 200 заводов, производивших не только различные виды взрывчатки, но и отравляющие вещества – хлор, фосген, хлорпикрин, причем не только для газобаллонных атак, но и для снарядов⁴⁸. Уже с октября 1915 г. в армии были созданы химические команды для газобаллонных атак, а к осени 1916 г. требования армии на химические снаряды были полностью удовлетворены. Она получала 1 парк ядовитых и 4 парка удушающих 76-мм снарядов (всего 15 тыс.) в месяц. Снаряды более крупного калибра для начинки газами не использовались по причине экономии корпусов⁴⁹. Экономить взрывчатку больше не требовалось.

Только с февраля по октябрь 1915 г. производительность казенных заводов, производивших взрывчатку, увеличилась более чем в 2 раза, частных – более чем в 50 раз!⁵⁰ В кратчайшие сроки производство взрывчатых веществ в России выросло в 33 раза, со 100 до 3300 тонн в месяц⁵¹. Фактически под руководством комиссии Ипатьева в России с нулевой отметки была создана химическая промышленность. Можно было спокойно наращивать производство снарядов, угроза того, что они превратятся в ядра, отпала. Объективности ради необходимо отметить, что кризис боеприпасов вовсе не был особенностью России. Ни одна из стран-участниц мирового конфликта не могла похвастаться полной готовностью

к войне или наличием генералитета, правильно оценившего количественные показатели подобной готовности.

«Вероятно, не всем известно, – писал генерал Воейков, – что недостаток снарядов обнаружился не в одной русской армии: его переживали все воевавшие государства, и он же помешал французской армии использовать успех марнского боя, купленный гибелью несметного количества русских жизней на полях Восточной Пруссии»⁵². Уже после первых боев на фронте Кондзеровским был сделан доклад о расходе снарядов на фронте Янушкевичу лично и Сухомлинову письменно. Реакция обоих генералов была схожей – они считали, что патроны и снаряды расходуются зря, и на фронт были отправлены дополнительные комиссии с целью проверки того, насколько рационально тратятся боеприпасы. Только после этого ГАУ, Ставка и Военное министерство поверили в то, что война вызвала их непредвиденный расход⁵³. Россия не была исключением среди своих союзников, но она позже начала мобилизацию промышленности, которую к тому же было объективно сложнее мобилизовать.

Русская промышленность была менее концентрированной и более технологически зависимой от связей с зарубежными партнерами, чем кто-либо из ведущих участников войны. Ллойд-Джордж вспоминал: «Когда в мае 1915 г. тевтонский ураган пронесся над обреченными армиями москвитов, их великолепные арсеналы могли выпустить лишь первые четыре больших орудия, к производству которых

приступили в начале войны. Но в 1914 г. из-за границы не поступило в Россию ни одного орудия большего калибра, чем трехдюймовки»⁵⁴. «Этот кризис, – отмечал генерал В. Гурко, – продолжался весь 1915 г. и чувствовался даже в 1916 г.»⁵⁵ Снабжение фронта стало одним из основных направлений критики правительства, явным, как казалось, свидетельством его административной несостоятельности.

Очень точно уловил подтекст общественной критики Маниковский: «При этом, конечно, разумелось, что справиться с этим делом было бы нетрудно, – было бы желание да усердие. Но в том-то и беда, что одних порывов самого горячего энтузиазма с кровавым потом вместе тут мало; нужно еще очень многое...»⁵⁶ Однако сложные истины не годятся для мобилизации общественного мнения. Неудивительно, что «прогрессивная общественность», избрав лозунгом своей антиправительственной кампании профессионализм, воздерживалась от критики тех, кого по тем или иным причинам считала своими союзниками. Несмотря на то что кризис вооружений продолжался при Поливанове, он вовсе не был в центре общественной критики и насмешек. Вне критики общественности была и деятельность Военно-промышленного комитета. По верному замечанию министра промышленности и торговли, из его достижений «на первое место следует отнести организацию широкой и бессовестной рекламы. Прежде всего, на разные лады пропагандировалась фра-

за: “Правительство не сумело – взяли все в руки мы”»⁵⁷.

«Комитет являлся, так сказать, той легальной возможностью, где можно было совершенно забронированно вести разрушительную работу для расшатывания государственных устоев, – вспоминал начальник Петроградского охранного отделения, – создать до известной степени один из революционных центров и обрабатывать через своих агентов армию и общество в нужном для себя политическом смысле. Способы для этого были очень просты. Рекламируя свою деятельность по снабжению армии, Комитет в то же время старался обесценить, очернить и скомпрометировать действия идентичных правительственных органов и создать такое впечатление в широких кругах, что единственным источником питания боевым снаряжением армии является общественная организация Центрального военно-промышленного комитета. Словом, не будь этого комитета, армия осталась бы без пушек, без ружей и снарядов, то есть без всего того, что было главной причиной наших поражений в начале 1915 г. Например, для рекламирования своей продуктивной деятельности ЦВПК специально открыл в Сибири ящичный завод, изготавливающий ящики для боевого снаряжения, отправляемого на фронт. Ящики поставлялись почти на все заводы России, работавшие на оборону, и таким образом почти все боевое снаряжение, получаемое на фронте в ящиках с инициалами ЦВПК, создавало ложное понятие о необыкновенной продуктивности этой общественной организации, явля-

ющей чуть ли не единственной полезной в деле снабжения армии»⁵⁸.

Возвышенную норму отношения к этой истории сформулировал М. В. Родзянко: «...фронт в скором времени был засыпан ящиками со снарядами и патронами, на которых руками рабочих было выгравировано: “Снарядов не жалеть!”»⁵⁹ На самом деле все обстояло не совсем так, как представляли себе или хотели показать либералы. Боеприпасы в ящиках с надписью: «Снарядов не жалеть – Центральный Военно-промышленный комитет» – появились на фронте уже в августе 1915 г. Действительно, ЦВПК добился тогда права на сборку ящиков для казенных снарядов и использовал его таким образом⁶⁰. Наверное, это был вдохновляющий опыт. Он создавал для новой демагогической кампании возможность, которую не хотели упускать. Сообщения о появившихся на Северном фронте – сначала под Двинском а затем и под Ригой – ящиках со снарядами с надписями вроде «Не щадить патронов» стали возникать в прессе в статьях с весьма знаменательными заголовками (например, «Ураганный огонь нашей артиллерии»⁶¹, «Оборона Двинска»⁶², «Около Риги»⁶³, «Под Ригой»⁶⁴).

Застрельщиком в деле организации общественного мнения опять выступил старый партнер А. И. Гучкова Б. А. Суворин и его «Новое время», фронтовой корреспондент которого первым углядел на позициях под Двинском перелом в

боях с немцами. С середины октября под городом уже более 40 дней шли тяжелые бои, в ходе которых немцы продвинулись всего на несколько километров. Город так и не был сдан. Причина успеха русской обороны была проста. «Двинск оказался для нас последним этапом в нашем “снарядном походе”, – отмечал фронтовой корреспондент газеты, – когда мы отступали из приграничной полосы к исконно-русским губерниям “за снарядами”»⁶⁵. Усилившуюся активность русской артиллерии, в том числе и тяжелой, отмечали и другие органы печати⁶⁶, но теперь, по свидетельству суворинской газеты, снаряды появились в изобилии, и совершенно очевидно, благодаря кому: «Большим праздником было для всех, когда на батарею прибыли из парка зарядные ящики с новой шрапнелью, где на пояске стоял штамп: “Военно-промышленный комитет 1915 года”. Этот день был радостен и для пехотинца, и для артиллериста – все поняли, что Россия откликнулась на мольбу армии о снарядах, и мобилизованная промышленность прислала войскам свой первый гостинец. Теперь такие снаряды – со штампами областных военно-промышленных комитетов – уже не редкость. И русским “кустарным” снарядом мы сдерживаем натиск противника и не отдаем Двинска»⁶⁷.

Боеприпасы, произведенные общественными организациями, вскоре получили в этой газете название «штатских снарядов». Кампанию, однако, не удалось развернуть в полную

силу. Немедленно последовало опровержение Маниковского, который публично заявил, что ЦВПК не поставил армии «ни одного снаряда»⁶⁸. Это была чистая правда. На 1 (14) декабря 1915 г. ЦВПК роздал заказы на производство 50 тыс. деревянных ящиков для 48-линейных шрапнелей, но ни одного тяжелого, и даже 3-дюймового снаряда так и не было заказано⁶⁹. Естественно, что к осени 1915 г. по данным ГАУ от ВПК не было получено ни одного снаряда. Интересно, что печать единодушно отказалась публиковать эти данные. Даже цитируемое выше заявление Маниковского было опубликовано на правах опровержения и было встречено прессой с единодушным осуждением. Неважно, кто поставил снаряды армии, восклицал один из авторов, главное, что выполняется лозунг «Все для войны, все для победы», важно избежать опасности возникновения в тылу трений между различными ведомствами и организациями⁷⁰.

Естественно, что при таком подходе рассчитывать даже на временное прекращение активной пропаганды ЦВПК не приходилось. Она и не была остановлена, хотя, впрочем, и не велась уже так же грубо, как раньше. Газета Суворина по-прежнему хвалила энергичные действия русской артиллерии под Двинском⁷¹ и Ригой⁷², отмечала ее вклад в успешные действия русских войск на этих участках фронта («Снаряды есть, а это почти все»⁷³), не упоминая уже военно-промышленные комитеты и результаты их работы. Впрочем, в под-

тексте и те и другие почти всегда присутствовали. Так, вскоре в корреспонденциях с фронта снова появились (правда, без упоминания ВПК) пресловутые ящики с призывами не жалеть снарядов⁷⁴. Такими незатейливыми приемами постепенно формировалось убеждение, что это было результатом работы Гучкова со товарищи. Сам он, судя по всему, тоже со временем поверил в это. Даже весной 1917 г., когда столь острой политической необходимости в демагогии в данном направлении уже не было, Гучков, совершенно не стесняясь, утверждал следующее: «Несомненно, что дело снабжения пережило коренной перелом с того момента, и если бы с первых дней войны был дан размах, данный летом 1915 г., быть может, и судьба войны была бы иная»⁷⁵. Непонятно, на чем основано это утверждение, но ситуацию, сложившуюся с заказами военно-промышленных комитетов, никак нельзя было назвать нормальной.

Основным доводом в пользу своей деятельности при отчетности ЦВПК мог назвать лишь экономию средств. При общей сумме декабрьских 1915 г. заказов в 148 656 690 руб. она, по данным этой отчетности, составила 20 334 875 руб. (от предельных сумм, предоставляемых государственными ведомствами)⁷⁶. Однако указанная экономия не учитывала потерь от постоянных срывов выполнения заказов. Да и экономия от работы с частными производителями зачастую оказывалась иллюзорной. Свою работу либералы всегда при-

крывали патриотическими лозунгами – они должны были защитить общественные учреждения от контроля бюрократии, то есть государства. Выступая 3 (16) ноября 1916 г. в Государственной думе, Н. Е. Марков ссылаясь на записку Главного артиллерийского управления: «И вот во что обошлись непатриотические снаряды бюрократические и патриотические частные. 42-линейная шрапнель в среднем обошлась на казенных заводах в 15 р., а на частных – 35 р.; шестидюймовые бомбы на казенном заводе – 48 р., на частном – 75 р.; бездымный порох на казенном 72 р., на частном, движимом патриотизмом, – 100 р. И вот составитель этой записки делает вывод, что если бы в России было поменьше патриотизма да побольше казенных заводов, то Россия сэкономила бы уже за эту войну миллиард рублей»⁷⁷.

На 1916 г. ЦВПК все же сделал заказы на снаряды и сырье, необходимое для их производства. До 1 (14) июня 1916 г. Екатеринославский, Киевский, Одесский, Харьковский, Херсонский ВПК должны были поставить 743 тыс. пудов сортового железа, на 1 (14) мая было сдано 7 тыс. пудов, то есть менее 1 % всего заказа, что повлекло за собой срыв поставок двуколок, подков, полевых кухонь и даже сидел. Харьковский ВПК в марте 1916 г. должен был поставить 20 тыс. чугунных фугасных снарядов для 6-дюймовых гаубиц. На 1 (14) апреля 1916 г. не было сдано ни одного снаряда⁷⁸. ЦВПК распределил заказы на 490 тыс. 3-дюймовых фугасных снарядов среди Бакинского ВПК (150 тыс.), Во-

ронезского ВПК (100 тыс.), Таганрогского ВПК (110 тыс.) и Главного тюремного управления (130 тыс.)⁷⁹. Поставки должны были начаться в феврале 1916 г., и до апреля того же года армия должна была получить 65 тыс. снарядов. Не получено было ни одного⁸⁰. Сложилась ситуация, когда при значительных авансах предпринимателям было выгодно взять большой заказ, заранее зная, что его невозможно будет выполнить⁸¹.

В июле 1916 г. поставки все же начались – было получено 29 тыс. снарядов вместо 35 тыс., а в августе эта цифра сократилась до 23 тыс. Более или менее регулярные поставки 3-дюймовых фугасов, с нарушениями технологии производства, сроков и объемов заказов, начались только в октябре 1916 г. При этом заказ полностью не был выполнен⁸². Ящики, конечно, поступали более регулярно. Очевидно, это и позволило тому же Родзянко заявить в Думе 1 (14) ноября 1916 г.: «Война уже вызвала к жизни *невольно бездействовавшие* силы страны, и *силы эти показали свою мощь* – они неисчерпаемы. Когда в минувшем году раздался призыв Царя, воспрянула Россия и, дружно приступив к работе, снабдила *всем необходимым свою доблестную армию* (курсив мой. – А. О.)»⁸³. Без сомнения, такое поведение «внезапно проснувшихся здоровых сил» было бы невозможно без благоприятного отношения к ВПК со стороны Военного министерства. Во всяком случае, в начале, при распределении

заказов и определении условий их выполнения.

Между тем благоприятный режим существования военно-промышленных комитетов оказался под угрозой, так как под угрозой смещения оказался и патронирующий им Поливанов. Обычно в пользу этого генерала приводятся его выдающиеся административные способности. В частности, Нокс отмечает: «Поливанов был, без сомнения, самым способным военным организатором в России, и его отставка была катастрофой. Император всегда лично недолюбливал его, но правда и то, что экс-министр преувеличивал работу Военно-промышленного комитета сверх меры. Этот комитет, будучи неофициальной организацией, работал полностью на правительственные средства, и его враги утверждали, что это всего лишь огромное укрытие для людей, которые хотят избежать службы на фронте»⁸⁴. Сам Поливанов сформулировал свое кредо в этом вопросе следующим образом: «...мое отношение к военно-промышленным комитетам и вообще к общественным организациям было отношением заказчика к исполнителям заказа: если я им давал, как председатель особого совещания по обороне, известный заказ, и если они этот заказ исполняли – честь им и слава, а если не исполняли, то происходило нажатие, чтобы скорее делали»⁸⁵. В искренности этих слов можно усомниться, во всяком случае, поливановское «нажатие» на практике было весьма малорезультативным.

Реальные и вымышленные успехи управляемого рабочего движения

Гучков имел в запасе еще одно свидетельство собственных достижений. Это был с таким трудом созданный штаб по руководству рабочим движением. В конце 1915 г. он наконец перешел от слов к делу. Чем же была на деле работа Рабочей группы? Одной из задач, которые ставились перед нею руководством ЦВПК, было урегулирование производственных конфликтов. 15 (28) февраля 1917 г., то есть непосредственно перед началом волнений в Петрограде и после арестов членов группы, последовавших 27–31 января (9–13 февраля) 1917 г., по распоряжению Гучкова была составлена записка «Деятельность Рабочей группы Центрального военнопromышленного комитета».

Это было весьма своеобразное оправдание деятельности этой организации, объяснявшее последнюю необходимостью поддержания диалога между рабочими и предпринимателями. С первых же дней существования в Рабочую группу посыпались жалобы. Последнее неудивительно. Представителей группы приглашали разрешить конфликты на предприятиях. Однако дело этим не ограничивалось.

Сложная ситуация, возникшая при выборах группы, подталкивала ее членов к активности. Другого выхода для по-

вышения собственного авторитета в глазах рабочих, а равно и повышения влияния на них, не было. «В некоторых случаях, — отмечалось в записке, — сама Рабочая группа и без подобного обращения считала необходимым принять известные меры для урегулирования отношений или успокоения стихийной вспышки рабочего движения. В своем стремлении уладить конфликты Рабочая группа обычно обращалась в бюро Центрального Военно-промышленного комитета, члены которого, в свою очередь, вступали в личные переговоры с администрацией заводов»¹. Метода была близкой к зубатовской, только вместо государственных органов давление на предпринимателей оказывал ЦВПК.

Первый случай вмешательства в производственный конфликт относится к декабрю 1915 г. Рабочие петроградского завода «Динамо» 11 (24) декабря после начавшейся уже забастовки обратились в Рабочую группу за поддержкой. Вслед за этим ЦВПК предложил правлению общества «Динамо» свое посредничество, которое и было принято, а конфликт — улажен. Вслед за этим в начале января 1916 г. настала очередь Адмиралтейского судостроительного завода Морского ведомства, рабочие которого потребовали от администрации повышения жалованья. 8 (21) января 1916 г. завод был закрыт, его рабочие получили расчет. Это означало, что в случае отказа администрации принять уволенных на работу при открытии завода или в случае, если уволенные не смогли бы устроиться на предприятия, работавшие

на оборону, они подлежали призыву в вооруженные силы, то есть теряли так называемую бронь.

По просьбе Рабочей группы заместитель председателя ЦВПК А. И. Коновалов посетил товарища морского министра вице-адмирала П. П. Муравьева. К этому времени рабочие отказались от своих требований. 12 (25) января 1916 г. К. А. Гвоздев заявил в бюро ЦВПК о желании рабочих Адмиралтейского завода «приступить немедленно к возобновлению работ на заводе». Коновалов известил Муравьева об этом решении и просил предоставить работу всем рассчитанным для успокоения рабочей массы. Как выяснилось, часть рабочих так и не была принята обратно, и Коновалов вновь обратился к Муравьеву, но на этот раз с письменным ходатайством по этому же вопросу. Ответа не было².

В январе 1916 г. в Петрограде произошел схожий конфликт на заводе Людвиг Нобеля. По просьбе Рабочей группы в дело вмешался ЦВПК. 13 (26) января Э. Л. Нобель был приглашен на заседание бюро этого органа для личных переговоров. Хозяин не шел на уступки. Гучков попытался добиться от военных возвращения на работу 24 рабочих, уволенных и зачисленных на военную службу³. В это время он возлагал особые надежды на будущее посредничества между рабочими и предпринимателями. 17 (30) января 1916 г. орган ЦВПК опубликовал проект положения о временной примирительной камере при Центральном комитете, в которую должны были войти 8 представителей Рабочей груп-

пы и 8 предпринимателей⁴. Даже среди сторонников Гучкова нашлись скептики, которые без особых надежд смотрели на будущее этого начинания. «Всем, знакомым с вопросом о посредничестве при промышленных конфликтах, – заявлял эксперт ЦВПК проф. М. Сиринов, – совершенно ясно, что тип промышленного разбирательства, выработанный Рабочей группой, есть английский»⁵. Возможность применить этот опыт в российских реалиях вызвала обоснованные сомнения⁶. Вскоре они были подтверждены на практике.

Две последовавшие за этим забастовки, в которые вмешались Рабочая группа и ЦВПК, окончательно исчерпали терпение военных властей.

Наиболее крупной и опасной была забастовка на судостроительных заводах треста «Наваль-Руссуд» в Николаеве, которая, без сомнения, привлекла к себе внимание императора. В результате задержки финансирования военно-морской программы два завода треста были загружены до предела уже перед началом войны. При годовой производительности в 22 млн руб. «Наваль» в начале 1914 г. имел заказов на 80 млн руб. (из них от Морского министерства – на 64 млн руб.). К середине 1915 г. сумма заказов увеличилась до 127,5 млн руб., при этом за 1914–1915 гг. завод дал продукции на 29 млн руб., в то время как сумма невыполненных заказов равнялась 98,5 млн руб.⁷ Николай II весьма внимательно относился к проблемам флота вообще и Босфорской

экспедиции в частности. Во время поездки в Севастополь в апреле 1915 г. он специально посетил Николаев для осмотра строившихся кораблей⁸.

На двух заводах общества во время стачки в январе – феврале 1916 г. работали 18 тыс. человек, причем за 57 дней, когда заводы почти полностью остановили работу, было потеряно 315 790 человеко-дней. В момент забастовки на верфях и заводах Николаева строились: линейный корабль, 2 легких крейсера, 8 эскадренных миноносцев, 4 подводные лодки, 1 конвоир подводных лодок, 14 барж, главные механизмы для двух других легких крейсеров⁹. 11 (24) января 1916 г. рабочие прекратили работу и выдвинули экономические требования. Администрация согласилась рассматривать их только после того, как возобновится работа завода. Конфликт затянулся, и тогда рабочие избрали двоих делегатов и отправили их в Петроград в Рабочую группу. Одновременно местный ВПК известил свой Центральный комитет о сложившемся серьезном положении. 27 января (9 февраля) 1916 г. на заседании ЦВПК было принято решение командировать в Николаев товарищей председателя ЦВПК П. П. Козакевича и председателя Рабочей группы В. М. Абросимова¹⁰. Город в феврале 1916 г. должна была посетить союзническая делегация – в дело пришлось привлекать М. В. Алексева. Его попросили задержать приезд представителей союзников вплоть до нормализации обстановки¹¹.

Давая показания Чрезвычайной Следственной комиссии Временного правительства, директор департамента полиции генерал Е. К. Климович поведал об Абросимове следующее: «Я должен сказать, что из агентов, которые у меня были в последнее время, наиболее смущал меня работой некий Абросимов... Я несколько раз обращал внимание начальника охранного отделения, чтобы его удержать, чтобы он не становился на пораженческую позицию, что я лично считал преступлением. Его часто посылали со своей революционной организацией, и он везде проповедовал оборонческую точку зрения. Что касается до его работы в Военно-промышленном комитете, то все-таки в тех пределах, в которых эта организация не преследовалась теми, которые существовали до переворота (февральского 1917 г. – А. О.)»¹². Последнее предложение вызывает сомнение и может быть объяснено только одним – атмосферой допроса, производившегося заинтересованной стороной. Как же обстояло дело на практике?

3 (16) февраля 1916 г. состоялось заседание Николаевского ВПК, на котором присутствовали представители бастовавших заводов, а также Казакевич и Абросимов. Последний призвал рабочих вернуться к работе и подверг критике пораженчество как путь к свободе. В принципе, эта речь была изложением положений «революционного оборончества», хорошо известных по эсеро-меньшевистским лозунгам периода февраля – октября 1917 г.: «Но свобода будет принесена

не на штыках германских, она будет добыта силами России. “Пораженчество” – это признак осознания собственного бессилия. Для нас, для рабочего класса, далеко не безразлично – поражение или победа: с поражением России условия мира, которые будут выработаны нашими врагами, продвинут назад всю нашу промышленность и все те надежды, которые питают рабочие слои. Мы все должны желать мира, мира без аннексий. Но пожеланий мало. Нужна сила»¹³.

Хочется еще раз отметить, что эти слова, недвусмысленно призывавшие к войне не только на внешнем, но и на внутреннем фронте, были сказаны не весной 1917, а зимой 1916 г. Особую пикантность ситуации придавал тот факт, что Абросимов был агентом-информатором Петроградского охранного отделения, работавшим под кличкой Шаров и получавшим по 250 руб. в месяц¹⁴. В столице он находился под плотным контролем, чего никак нельзя было сказать о случаях «на выезде». Сведения о его выездных выступлениях не всегда доходили до курировавших его офицеров, что, очевидно, придавало им особый, бесконтрольный характер. «Из-за поездок Абросимова в провинцию, – отмечал начальник столичной охраны генерал-майор К. И. Глобачев, – я имел с ним много пререканий, причем ставил ему на вид именно возможность его ареста без моего ведома где-либо в провинции. Я настойчиво требовал от Абросимова, чтобы без моего разрешения он никуда по поручениям Рабочей группы из Петрограда не отлучался, и даже грозил ему

арестом в случае, если он не будет моего требования исполнять»¹⁵.

Так или иначе, речь Абросимова осталась без результата, если считать таковым восстановление работ на заводе. Представители ЦВПК добились согласия администрации на прибавки – 2, 3 и 6 копеек в час в зависимости от категорий работ. Но забастовка продолжалась¹⁶. В ее скорейшем окончании были заинтересованы и Ставка, и командование Черноморского флота, и ГАУ, и правительство. Новый председатель Совета министров Б. В. Штюрмер был сторонником «ползучей» мобилизации, когда рабочие становились военнообязанными. На этом основании они призывались в армию и оставались уже в качестве военнослужащих со всеми вытекающими отсюда последствиями для нарушителей дисциплины. Так, без поддержки ВПК, Земгора, Думы и поступили в истории с «Навалем» – 25 февраля (9 марта) 1916 г. его заводы были закрыты. 27 февраля (11 марта) военнообязанные получили приказ явиться на призывные пункты. Свыше 3600 рабочих было призвано в армию, в мае того же года, после короткой забастовки, на заводе была проведена еще одна чистка, после чего большая часть мобилизованных, за исключением 312 человек, была возвращена¹⁷.

Абросимов тем временем в своих отчетах в Рабочую группу при ЦВПК рисовал мрачную картину действий властей, до крайности усложняющих положение на заводе. По его

данным, на сборный пункт для отправки на фронт градоначальником только за один день 29 февраля (13 марта) было отправлено около 7 тыс. человек. Именно эта информация была позже распространена в бюллетене № 2 Рабочей группы ЦВПК¹⁸. Подобного рода забастовки, конечно, никак не способствовали сокращению объема невыполненных заказов, их объем за 1915–1916 гг. даже несколько увеличился, достигнув 100 млн руб. Тем не менее производительность завода в этот же период увеличилась на 15 %¹⁹. Представляется, что последняя цифра была достигнута за счет наведения порядка и усиления производственной дисциплины. Категорически выступая против планов мобилизации промышленных предприятий, Рабочая группа по-прежнему признавала стачку законной формой протеста рабочих, в том числе и в военное время²⁰.

22 февраля (6 марта) 1916 г., после четырехдневной «итальянской забастовки», началась стачка на Путиловском заводе. Рабочие, получавшие от 1,35 до 3,75 руб. в день, требовали повышения зарплаты. Правление согласилось поднять расценки, причем повышение составляло от 3 до 30 %, постепенно понижаясь от менее оплачиваемого труда к более высокому. При начале забастовки часть мастеров и рабочих, не желавших поддержать стачку, подверглась избиению, после чего они были вывезены на тачках за пределы заводской территории²¹. В дело опять вмешались Рабочая группа

и ЦВПК, а позже – Дума, поначалу захваченная событиями врасплох²². 23 февраля (7 марта) был объявлен локаут²³. На этот раз дело не ограничилось привычными уже мерами. 24 февраля (8 марта) вопрос о забастовке был внесен на обсуждение Особого совещания по обороне государства. Родзянко и Шингарев настаивали на том, что волнения имеют экономический характер, и предложили секвестр завода²⁴.

Председательствующий в отсутствие военного министра генерал-лейтенант Лукомский передал просьбу Поливанова отложить обсуждение на время и сообщил о том, что начальник Петроградского военного округа предложил призвать забастовщиков в войска, но временно отложил эту меру. Весьма характерной была реакция на обсуждение члена Государственного совета М. А. Стаховича, который заявил, «что деятельность завода протекала бы спокойно, если бы члены Государственной думы не ездили на завод и не вели там переговоров с рабочими»²⁵. 27 февраля (11 марта) Особое совещание вновь собралось, на этот раз на заседании председательствовал военный министр. С докладом о положении на Путиловском выступил генерал-лейтенант флота А. Н. Крылов – старший из шести директоров по назначению от правительства. Вкратце описав историю забастовки и сложившееся положение, он заявил о том, что волнения имеют политическую подоплеку и вызваны социал-демократической агитацией, которую ведет Рабочая группа ВПК, и

публичные заявления Гвоздева²⁶.

Присутствовавший на совещании Милюков подверг критике правильность выводов доклада Крылова и привел в пример Англию, в которой, по его мнению, с забастовками во время войны боролись не репрессиями, «но путем переговоров властей»²⁷. Требования рабочих о повышении заработной платы на 70 % лидер кадетов считал не чрезмерными. Вслед за этим в защиту ВПК и представителей рабочего класса в этой организации, ведущих значительную патриотическую работу, выступил Коновалов. Военных поддержал только Марков (второй). Выступая с явно реакционных позиций, он заявил о том, что забастовки недопустимы в военное время, что рабочие являются военнообязанными, то есть фактически солдатами, и поэтому в действиях против подобного рода выступлений никак нельзя ограничиваться исключительно экономическими мерами, но передавать дела в военный суд²⁸. В конечном итоге совещание приняло решение сочетать репрессии с экономическими мерами. Оно предложило секвестрировать завод и предложить вновь назначаемому казенному управлению в кратчайший срок установить новую расценку заработной платы²⁹.

28 февраля (12) марта вышло распоряжение Поливанова о секвестре завода. На следующий день Путиловский был секвестрирован, интересы его акционеров были гарантированы на основании закона от 12 (25) января 1916 г. «О порядке за-

ведывания и управления секвестрированными предприятиями и имуществами». Официальное сообщение причин секвестра было следующим: «Постоянно возрастающие потребности армии в заказах вызвали постепенное и значительное расширение Путиловского завода, а расширение потребовало влития в предприятия большого количества финансовых средств, выданных казною. Оба эти основных обстоятельства и явились причиною установления на время войны на заводе правительственного управления, тем более что могучий Путиловский завод, работая по нарядам военного и морского ведомств, должен в течение войны принять характер скорее казенного завода, нежели частного коммерческого предприятия»³⁰.

2 (15) марта была объявлена новая запись на предприятие. Около 150 человек уже в первый день локаута были арестованы, свыше 2 тыс. рабочих, в основном молодых, были призваны в армию. Часть активных забастовщиков были сразу же направлены в дисциплинарный батальон³¹. Состав нового правления был преимущественно военным и профессиональным. Председателем стал генерал Крылов, директорами – флота генерал-лейтенант Н. И. Оглобинский, генерал-майоры Н. Ф. Дроздов и Г. Г. Кривошеин, действительный статский советник В. А. Жандр и князь А. Г. Гагарин³². В ответ на действия военных на Путиловском начались волнения на других заводах Петрограда. В основном они охватили

предприятия, расположенные на Выборгской стороне. В забастовках приняли участие десятки тысяч человек, причем часть рабочих, не желавших принимать участие в беспорядках, снимались забастовщиками с рабочих мест силой³³.

Эти события обеспокоили Ставку, в феврале 1916 г. генерал М. В. Алексеев подал императору докладную записку о желательности разгрузить Петроград от рабочих путем эвакуации части заводов в глубь страны³⁴. Записка не получила одобрения Николая II, но ясно одно – жесткие меры по отношению к забастовочному движению, чистка предприятий и организаций, ставших прибежищем для подрывных элементов, – все это находило понимание в Могилеве. Все это вызвало сопротивление в Рабочей группе ЦВПК, которая в февральские дни 1916 г. выступила с обращением, которое по цензурным соображениям не было опубликовано, однако получило при этом широкую огласку.

«Рабочая группа, прежде всего, – говорилось в обращении, – считает своей обязанностью заявить, что главную причину движения она усматривает в глубоком недовольствии масс своим экономическим, и особенно правовым, положением, которое за время войны не только не улучшилось (?! – А. О.), но претерпевает резкое ухудшение. Целый ряд законов, произведенных в порядке 87 ст., порядки и обязательные постановления военной власти, отдающей рабочих в распоряжение военно-полевых судов, превращающей рабочие массы, лишенные к тому же малейшей видимости сво-

боды коалиций, в закрепощенных рабов, определенно толкает их к стихийному протесту. Стачка становится единственным выходом, в который по всяким заводам выливается такой протест. Считая стачку одной из вполне законных форм рабочего движения, Рабочая группа, однако, не забывает о том, что прибегающий к этому оружию защиты своих интересов рабочий класс не может не учитывать в каждый данный момент всех обстоятельств окружающей обстановки. Обстоятельства же, сложившиеся вокруг настоящего движения, определенно неблагоприятны для рабочего класса. Разрозненные, изолированные от движения рабочих других городов и от движения всех других прогрессивных слоев общества попытки, в форме стачечных протестов, отдельных частей рабочего класса создают положение, при котором подобные стихийные вспышки лишь ослабляют и разбивают нарастающий конфликт всего русского общества с властью»³⁵.

Группа призвала к немедленному созыву общего собрания выборщиков в ВПК для обсуждения сложившейся ситуации. Неудивительно, что именно в это время Рабочая группа при полной поддержке Гучкова вновь фактически призвала вернуться к идее созыва Всероссийского рабочего съезда³⁶. Все это происходило на фоне подготовки ко II Всероссийскому съезду ВПК. Первоначально его планировали открыть 21 ноября (5 декабря), но затем перенесли на 5 (18) декабря 1915 г. Сделано это было для того, чтобы провести

съезд ВПК в Москве одновременно со съездами Земского и Городского союзов³⁷. В связи с запретом на их проведение в конце ноября возникла пауза относительно сроков созыва съезда ВПК³⁸. Правительство, которое уже имело опыт лета-осени 1915 г., не желало идти на уступки либеральной общественности, понимая, во что превращается каждый такой съезд, а уж тем более три сразу.

Однако, отказывая в разрешении на их проведение, оно шло на уступки в вопросе о возобновлении работы представительских учреждений. 10 (23) декабря 1915 г. А. Н. Хвостов заявил, что сессия Думы откроется в конце января и что главной целью политики правительства является объединение, а не разъединение всех слоев русского общества³⁹. «По этой причине, — утверждал глава МВД, — запрещены и московские съезды. Неуравновешенных людей можно найти везде, но Москва за последнее время показала, что там скопление этих элементов наиболее велико. Резолюций, вторгающихся в прерогативы власти, допускать нельзя. Надо предупредить возможные увлечения, столь опасные для переживаемого ответственного времени, а не ждать, пока они сформируются, чтобы потом их фотографировать и с фотографией в руках привлекать к ответственности. Запрещение съездов в Москве не поход против общественности, а государственная необходимость»⁴⁰.

Зимняя сессия Думы. Новое наступление оппозиции

19 декабря 1915 г. (1 января 1916 г.) Родзянко обратился к главе правительства с письмом, в котором говорилось о том, что катастрофа, о неизбежности которой предупреждала Дума, уже наступила и что палата не возьмет на себя ответственность за поражение в войне, в связи с чем рекомендовал Горемыкину «уступить место более молодым силам». Это письмо стало широко известно среди общественности¹. 31 декабря 1915 г. (13 января 1916 г.) Николай II издал приказ по армии и флоту, который заканчивался словами: «Я вступаю в новый год с твердою верою в милость Божию, в духовную мощь и непоколебимую твердость и верность всего русского народа и в военную доблесть Моих армии и флота»².

Ничто, казалось, не говорило в пользу скорых уступок, однако они вскоре последовали. 20 января (2 февраля) 1916 г., уступая давним требованиям оппозиции, император отправил в отставку Горемыкина и назначил на пост председателя Совета министров Б. В. Штюрмера³. Отставка Горемыкина была почетной – она сопровождалась высочайшим рескриптом, пожалованием в действительные статские советники 1-го класса с оставлением в должностях статс-секретаря, члена

Государственного совета и сенатора⁴. Через два дня правительство приняло решение о созыве очередной сессии Государственной думы⁵. 25 января (7 февраля) император подписал указ об открытии ее заседаний начиная с 9 (22) февраля 1916 г.⁶ Расчет на достижение диалога с общественными силами был очевиден.

Борис Владимирович Штюмер имел необычную для сановника биографию. До войны он был выборным председателем тверской губернской управы. Впрочем, далеко не все земцы уже тогда были в восторге от его действий⁷. Тверь была одним из очагов земского либерализма. «Прежний характер земства достаточно известен, — вспоминал Курлов, — поэтому, чтобы из обыкновенного правительственного чиновника мог выработаться председатель по свободному выбору населения, нужны были не средние, но выдающиеся способности. Эти же способности он проявил и в качестве ярославского губернатора, и управление его губернией можно назвать образцовым... Таким же образцовым работником был Штюмер и в качестве директора департамента общих дел: он мог направлять и действительно направлял деятельность губернаторов, ибо все его указания носили практический характер и производили невольное впечатление на его подчиненных. По смерти Плеве Штюмер был назначен членом Государственного совета, — единственный пример в истории русской бюрократии, когда лицо, занимавшее пост директо-

ра департамента, сразу попало в Государственный совет»⁸.

Во время войны вокруг Штюмерера образовался политический салон правого толка, в работе которого участвовал ряд членов Государственного совета, сенаторов, военных, губернских представителей дворянства и некоторых владык. В этом кружке проводилось обсуждение ряда политических вопросов (Земгор, общественные настроения, польский, галицийский, финляндский, думский) с целью выработки общего правого курса⁹. К мнению этого круга людей прислушивался Горемыкин, к кандидатуре Штюмерера положительно относилась императрица. Кроме того, Штюмерер имел репутацию достаточно ловкого человека, который умеет лавировать и сможет наладить отношения с Думой¹⁰. Эту его способность особенно выделяли члены правой фракции Государственного совета, почти единодушно отмечавшие способность нового премьера избегать крайностей, сглаживать противоречия, его близость к земцам, знание государственных финансов и проблем внешней политики и т. д.¹¹

Левые поначалу также отмечали осторожность Штюмерера и его стремление сторониться крайне правых кругов и суждений¹². Подчеркивалась и его скромность – 18 (31) января Штюмерер отправился на аудиенцию в Царское Село в вагоне 2-го класса, от вокзала его вез простой извозчик, таким же образом он возвратился и в Петроград, когда его будущее назначение было уже решено¹³. В нашем Отечестве по-

добного рода незамысловатые популистские приемы просто обречены на внимание, а часто и на более или менее длительный успех. В случае со Штюмером внимание было, но в успех оно так и не развилось. Никак нельзя сказать, что эта фигура была с самого начала неприемлема из-за одиозности карьеры или непрофессионализма. Однако она так и не была принята. Члены Государственной думы отнеслись к смене главы правительства «холодно-равнодушно». Резкого неприятия поначалу не было, но об успокоении, преодолении разногласий и диалоге не могло быть и речи¹⁴.

Шингарев заявил: «Переменились лица, но остается, очевидно, прежняя система. Это совершенно ясно как из прошлого Б. В. Штюмера, так и из его политических воззрений»¹⁵. Очень быстро умильные статьи в прессе прекратились и в адрес нового премьера посыпались упреки и обвинения: старость (ему было уже 68 лет), близость к Распутину и императрице и, наконец, немецкая фамилия, что «явно» указывало на приверженность к некоей придворной немецкой партии, стремящейся к сепаратному миру¹⁶. По-другому и быть не могло. В январе 1916 г. среди думцев окончательно установилось мнение, что революция неизбежна вне зависимости от того, окончится война поражением или победой... Раз так – то главными задачами становились борьба за будущую власть и за контроль над властью нынешней¹⁷. Разумеется, такой подход исключал возможность диалога. Штю-

мер был превращен в символ вызова либеральному лагерю¹⁸. Трансформация была почти молниеносной. Абсолютно верно описывают ситуацию слова Курлова: «Можно с уверенностью сказать, что если бы достоправный Родзянко был назначен премьером, то он и нескольких дней не ужился бы с Думой»¹⁹.

Настроения абсолютного большинства депутатов Думы вскоре стали очевидными. 9 (22) февраля 1916 г. возобновила работу ее четвертая сессия. Это был день падения Эрзерума. Как всегда, успех на фронте сказался во внутренней политике. 4 (17) февраля, во время пребывания Николая II в Ставке, граф Фредерикс сделал доклад о желательности посещения монархом Думы. В Могилеве уже знали об успехе в Закавказье и надеялись, что в сложившейся ситуации этот акт должен был примирить правительство с общественностью²⁰. 8 (21) февраля, накануне открытия работы палат, на квартире главы правительства было собрано совещание министров. Штюмер зачитал декларацию, которую он собирался представить на следующий день думцам. Ее содержание стало известно, и даже кадетская «Речь» признала, что документ составлен «в благожелательном тоне» – целый ряд положений декларации был заимствован из программы «Прогрессивного блока» (реформа городского положения, реформа волостного управления, укрепление трезвости навсегда). Тем не менее общее настроение думцев орган каде-

тов описал одним словом – «пессимизм»²¹.

При этом казалось, что ничто не предвещало очередного взрыва. 9 (22) февраля в 14:00 император посетил Государственную думу²². В вестибюле Таврического дворца его встречал Родзянко вместе с радостными депутатами. Перед началом заседаний в Екатерининском зале дворца в присутствии членов правительства и послов союзных стран был отслужен торжественный молебен в честь взятия Эрзерума²³. После окончания службы император сказал краткую речь, приветствуя депутатов, и пожелал им успешной работы. Ему ответил Родзянко, смысл его выступления сводился к следующей фразе: «Какая радость нам, какое счастье – наш Русский Царь здесь, среди нас»²⁴. После этого император проследовал в зал заседаний, где его встретили овациями, криками «ура» и пением гимна. Родзянко сопровождал императора и давал объяснения²⁵.

Момент был очень торжественный, единение короны и палаты казалось очевидным. Родзянко немедленно воспользовался этим и порекомендовал Николаю II объявить о даровании ответственного министерства. Тот обещал подумать об этом и покинул Думу под аплодисменты. В торжественной встрече не участвовали только левые депутаты, которые предпочли остаться в своих кабинетах²⁶. В Думе остался лишь сопровождавший императора великий князь Михаил Александрович, который наблюдал за работой депутатов

из великокняжеской ложи. Заседания открылись в 15:12²⁷. Вечером того же дня та же картина повторилась и в Маринском дворце перед открытием заседания Государственного совета. Даже время пребывания Николая II в верхней палате практически полностью совпало с тем, что он потратил на нижнюю. Император прибыл в Государственный совет в 20:30, а его заседания, после молебна и торжественных речей, начались в 21:40²⁸.

Работу думской сессии Родзянко открыл словами, казалось бы, обещавшими успешное развитие слушаний: «Великое историческое событие свершилось сегодня здесь. Его Императорскому Величеству благоугодно было осчастливить Своим посещением Государственную думу. Государь молился вместе с нами и в знаменательных словах пожелал представителям Своего верного народа успеха в занятиях их, направленных на пользу Его подданных. Великое и необходимое благо для русского царства – непосредственное единение Царя с Его народом – отныне закреплено еще могучей и сильней. И радостная эта весть наполнит счастьем сердца всех русских людей во всех уголках земли русской и одушевит новым приливом мужества наших славных и доблестных бойцов, защитников родины. Да здравствует же Великий Государь наш Николай Александрович на многие лета!»²⁹ Депутаты долго кричали «ура», но вскоре выяснилось, что посещение императора несколько подняло настроение в стенах

представительного органа, но никакого реального влияния на ход работы сессии не оказало³⁰.

Затем выступил Штюмер. Его речь не отличалась особенно красивыми оборотами, хотя и не была лишена здравого смысла. Премьер убеждал: «Грядущее обещает нам сильную и бодрую Россию, но сложится она путями, которые потребуют к себе, с одной стороны, бережного, а с другой – в высшей степени осмотрительного отношения. Общественная мысль была бы только несправедлива к правительству, если бы поставила ему в упрек эту осмотрительность»³¹. В качестве главных направлений своей внутренней политики Штюмер назвал продовольственный вопрос и борьбу с немецким засильем³². Фактически это было повторение программы А. Н. Хвостова³³. Речь нового премьера не произвела на депутатов должного впечатления³⁴. Выступавших после него А. А. Поливанова, И. К. Григоровича и С. Д. Сазонова думцы встретили и проводили аплодисментами³⁵. Более всего внимания удостоился военный министр, хотя он фактически похвалил мужество императора, взявшего на себя Верховное командование «в критическую минуту». С другой стороны, Поливанов не жалел ярких красок, хваля работу Особых совещаний по обороне, Земского, Городского союзов и т. п. По его словам, благодаря работе общественных организаций производство «необходимейших средств обороны» увеличилось с 2 до 5,5 раза³⁶. Результаты этой работы в описании Полива-

нова были прекрасны: «Сильный и свирепый враг попирает тяжелой пятой русские области, но началась мобилизация всей необъятной России, – началась и уже приходит на помощь армии»³⁷.

Представитель «Прогрессивного блока» С. И. Шидловский, выступая с ответом на речь Штюмера, не преминул напомнить об этом, одновременно упрекнув правительство в задержке созыва представительских учреждений: «...большинство, однако, считает своим долгом отметить те серьезные услуги, которые уже и теперь оказаны делу обороны существующими общественными организациями, как земским союзом, городским союзом, военно-промышленными комитетами, всемерное поддержание которых во всем кругу их деятельности и устранение препятствий им со стороны администрации настоятельно необходимы в интересах армии»³⁸. Шидловский оглашал принятую накануне декларацию «Прогрессивного блока»³⁹, приписывая общественности достижения в деле снабжения армии и упрекая власть за разложение тыла. Это было повторение программных положений августа 1915 г.⁴⁰ Политика поиска путей примирения с общественностью явно терпела крах. Во всяком случае, с точки зрения лидеров этой общественности. Подводя итоги первой недели сессии, «Речь» отметила «отрицательный результат» оглашения декларации Штюмера⁴¹.

ЦВПК торжествовал. Его орган отреагировал на речи По-

ливанова и Шидловского следующим образом: «10 февраля сего года останется памятным не только в русской истории, но и в маленьком уголке ее – в истории военно-промышленных комитетов. В этот день были торжественно признаны их заслуги перед родиной, как со стороны Государственной думы, так и со стороны Правительства. Итак, работа военно-промышленных организаций не осталась бесплодной и, следовательно, все утверждения правой прессы, обвинявшей военно-промышленные комитеты в бездействии, ныне признаны клеветническими со стороны самых компетентных органов империи»⁴². Попытки подвергнуть эту работу критике в Думе со стороны правых также не остались без внимания. Речи Маркова (второго) «Известия ЦВПК» посвятили развернутую статью под названием «Бесплодная демагогия»⁴³. Успехи в «серьезных услугах делу обороны», собственно, и были подтверждением требований создания министерства доверия. Они не были подтверждены доказательствами и были нацелены на создание благоприятного для либералов общественного мнения. «Настроение рабочих масс, – вспоминал генерал К. И. Глобачев, – изменялось в соответствии с нашими успехами или поражениями на театре войны, и оно столько же было чутко, как и настроение всех прочих слоев населения к внешним успехам»⁴⁴.

Эти настроения витали в воздухе. Отвечая на скрытые (впрочем, весьма небрежно) призывы левых в Думе к рево-

люции, 12 (25) февраля Пуришкевич заявил: «Война бывала иногда матерью революции, но всякий раз, когда революция рождалась в муках войны, она была плодом разочарования народа в способности его правительства защитить страну от неприятеля»⁴⁵. Однако народные массы реагировали не только на новости, приходившие с фронта. Думские либералы отнюдь не были настроены отказываться от борьбы со шпионами и изменниками как инструментом достижения своих целей, продолжая, таким образом, линию поведения весны-лета 1915 г. 9 (22) февраля 1916 г. представитель фракции националистов Л. В. Половцов фактически обвинил власть в подготовке «преждевременного мира», чего, по его словам, опасалась вся Россия, а также в излишне мягком отношении к изменникам и предателям⁴⁶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.